

Общероссийский конкурс творческих работ
«Идеи Д.С. Лихачева и современность»

«Длинней всякой боли – боль души...»

Трагическая судьба незаслуженно забытого
вятского поэта
Игоря Франчески (1907-1996)

Автор:
Прозорова Елена Александровна
Дата рождения: 29 июля 1991

ГОУ ДОД Дворец творчества детей и молодежи,
историко-краеведческий клуб «Современник».
610035, г. Киров (обл.), ул. Сурикова, д. 21.

МОУ СОШ с УИОП № 51 г. Кирова,
610035, г. Киров (обл.), ул. Калинина, д. 53.

Научные руководители:
Елькина Ольга Семеновна – педагог дополнительного образования,
руководитель историко-краеведческого клуба «Современник»
ГОУ ДОД Дворца творчества детей и молодежи.

Иконникова Елена Владимировна – педагог дополнительного образования
ГОУ ДОД Дворца творчества детей и молодежи г. Кирова,
заслуженный учитель РФ.

Киров, 2009

Содержание

Введение	3
Основная часть	6
Глава 1. Биография Игоря Георгиевича Франчески.....	6
1.1. Семья Громозовых-Франчески и детские годы Игоря Георгиевича	6
1.2. Юношеские годы.....	8
1.3. Дело «Литературной группы»	11
1.4. «Длинней всякой боли – боль души...» [Последствия ареста].....	13
1.5. «Пусть махнет своей грязной лапой война...» [Военные годы]	15
1.6. «Свой бег кончают наши волны...» [Последние годы жизни].....	16
Глава 2. Лирика Игоря Франчески	17
2.1. Этапы творчества	17
2.2. Основные темы и мотивы поэзии.....	19
2.3. Лейтмотив творчества Франчески	21
2.4. Анализ стихотворения «У моря».....	21
Заключение	25
Библиография	27
Приложение	
И. Г. Франчески «Избранное»	
Свидетельства об апробации (грамоты, дипломы)	
Отзывы и рецензии	
Публикация в газете «Вятская речь»	
Задания на проведение исследования	

Введение

Литература – это совесть общества, его душа. Честь и достоинство писателя состоят в том, чтобы правду, право на эту правду отстаивать при самых неблагоприятных обстоятельствах. Собственно, для писателя даже вопрос не стоит: говорить правду или не говорить? Для него это значит: писать или не писать... Литература, в которой не бьется тревога совести, – это уже ложь. А ложь в литературе, согласитесь, – худший вид лжи¹.

Д.С. Лихачев

30-е годы XX века были трагическими в истории нашей страны – это время массовых сталинских репрессий. Они коснулись и культурной жизни общества. «Представить все бедствия репрессированной науки и культуры чрезвычайно трудно... Сколько талантливых людей отказалось заниматься наукой! Сколько в зародыше погибло плодотворных идей!»², – с горечью отмечал академик Д. С. Лихачев, «один из самых интересных и талантливых людей минувшего века»³. Обращение Лихачева к данной проблеме не случайно: ему выпало испытать на себе репрессивную систему.

Трудно представляется современному человеку весь ужас репрессий, когда с легкостью растаптывается жизнь человека. Создать наиболее объективное впечатление об этой эпохе нам помогают дневники, письма и воспоминания современников и непосредственных участников событий. Именно на таких источниках преимущественно основана данная работа. Они представляют собой «живое» свидетельство трагедии 30-х годов. «Воспоминания открывают нам окно в прошлое. Они не только сообщают сведения о прошлом, но дают нам и точки зрения современников событий, живое ощущение современников... Мемуаристы рассказывают то, что не получило и не могло получить отражения ни в каком другом виде исторических источников»⁴, – писал Д. С. Лихачев.

---

¹ Лихачев Д.С. Тревоги совести // Лихачев Д.С. Об интеллигенции. – СПб., 1997. – С. 88 – 110. – Цит. по кн.: Лихачев Д.С. Избранное: мысли о жизни, истории, культуре. – М., 2006. – С. 289.

² Лихачев Д.С. Предисловие // Мелуа, А. И. Репрессированная наука (The oppressed science). – Ленинград, 1991. – С. 5-6.

³ Гранин Д.А. Заветное для ума и сердца // Лихачев Д.С. Заветное. – М., 2006. – С. 6.

⁴ Лихачев Д.С. Предисловие // Лихачев Д.С. Избранное: воспоминания. – СПб., 1997. – С. 7.

Определили приоритеты раскрытия темы и составили духовно-нравственную основу работы труды Д. С. Лихачева. «Идеи этого величайшего мыслителя и гуманиста сейчас как никогда актуальны...» - утверждает В. В. Путин. И действительно, ответы на многие вопросы, возникающие в ходе работы над темой, были найдены в трудах Лихачева, что еще раз подтверждает актуальность его взглядов сегодня.

Исследование связано с интересом автора творческому наследию Д. С. Лихачева и историческому краеведению, ведь «необходимо развивать краеведение, которое до революции было у нас в чести... Нужно, чтобы люди знали историю своей местности, это углубляет восприятие»⁵, также «огромная нужда в появлении нового направления в исторической науке – истории человеческой личности»⁶.

Благодаря исторической науке прошлое не умирает, а продолжает жить в настоящем. Необходимо исследовать страницы прошлого, тем самым отдать дань уважения предыдущим поколениям, которые заложили основы для нашего настоящего. И основная цель данной работы - отыскать путь к прошлому ради будущего. Наша задача - найти факты, собрать их, осмыслить и обнародовать.

Среди репрессированных деятелей культуры есть имена и вятских литераторов. И среди них - человек с красивой итальянской фамилией - Франчески, Игорь Георгиевич, химик-технолог по образованию, поэт от Бога... Игорь Франчески ощущал себя поэтом всю жизнь, но бессмысленный, ничем не мотивированный арест с последующими мучениями, унижениями, к сожалению, заставил его почти совсем отказаться от занятия литературой. Данное исследование посвящено его памяти и приурочено к 100 – летнему юбилею со дня его рождения.

Данная работа актуальна, поскольку обращение к судьбе конкретного деятеля позволяет раскрыть проблему негативного влияния тоталитарного режима на судьбы творческой интеллигенции. К данной проблеме обращался и академик Лихачев: «Интеллигенция была

---

⁵ Лихачев Д.С. Спешите учиться // Лихачев Д.С. Университетские встречи. 16 текстов. – СПб.; 2006. – С. 63.

⁶ Лихачев Д.С. История без человечества // Лихачев Д.С. Заветное. – М.: 2006. – С. 87.

постоянной мишенью для нападок государства... С момента своего прихода к власти большевики арестовывали, высылали из страны интеллигентов; закрывали кружки, общества, даже места встреч людей, закрывали газеты и журналы, в которых обсуждались мировоззренческие вопросы; стремились дискредитировать интеллигенцию в глазах народа»⁷. Сформулированная Д.С. Лихачевым проблема предполагает большую интеллектуальную работу, требует дальнейшего осмысления, изучения, обсуждения и действия.

Тема работы перспективна, так она может быть использована на факультативных занятиях по литературе, истории, на элективных курсах в старших классах, при создании трудов по истории и литературе Вятского края. Она востребована в музейной практике, архивах, библиотеках. Были получены просьбы⁸ в пополнении фондов библиотек и архивов г. Кирова материалами об Игоре Франчески.

Научная новизна и актуальность работы заключается в том, что ни судьба, ни творчество этого поэта ранее никем не изучались. Анализ краеведческой литературы и периодики показал, что сведения об Игоре Франчески крайне скудны, практически отсутствуют: то есть существуют белые страницы в вятской литературе, которые необходимо было восполнить.

---

⁷ Лихачев Д.С. Интеллигенция – интеллектуально независимая часть общества // Лихачев Д.С. Университетские встречи. 16 текстов. – СПб.; 2006. – С. 41.

⁸ См. приложение

Основная часть.

Глава 1. Биография Игоря Георгиевича Франчески

«Игорь Франчески ощущал себя поэтом всю жизнь, - пишет Т.К. Николаева, краевед, - но по-настоящему интенсивно и плодотворно писал только до 1938 года. Так сложилась его судьба, тесно переплетенная с судьбами сверстников. Не удалось воплотить рано обнаружившийся поэтический дар во что-то весомое. По-человечески он не согнулся, не сломался под натиском тоталитарного режима, но вера в поэзию была подорвана»⁹. Чтобы понять, почему это произошло, необходимо обратиться к его биографии.

1.1. Семья Громозовых-Франчески и детские годы Игоря Георгиевича

Игорь Франчески родился 16 сентября 1907 года в Вятке в семье известных революционеров.

Громозова Ия Константиновна (Франчески), его мать, работала в книжном складе Вятского земства, оценочно-статистическом отделе земства, служила на железной дороге. Революционерка, работала в подпольной типографии. Писала стихи и рассказы. Автор воспоминаний, часть которых опубликована под названием «Связная партии» (рукопись хранится в Российской гос. библиотеке).

Сестры матери Игоря Франчески также были связаны с революционной деятельностью и литературой.

Громозова Серафима Константиновна работала в книжном складе, в нескольких издательствах в Петербурге, сотрудничала с В. Д. Бонч-Бруевичем.

Громозова Людмила Константиновна – член РСДРП. С 1900 в Петербурге, вела агитацию среди рабочих, участвовала в работе нелегальной типографии Петербургского комитета РСДРП. В 1903 арестована, на судебном процессе выступала с речью, которая распространялась в списках, потом была издана отдельной брошюрой. В 1905 бежала из ссылки, встречалась в Женеве с В.И. Лениным. Работала секретарем у В.В. Воровского, затем у А.В. Луначарского. Организа-

---

⁹ Николаева Т.К. «Длинней всякой боли – боль души» // Франчески И.Г. Избранное (стихи). – Киров, 2001. – С. 3.

тор психоневрологической диспансерной службы. Писала стихи и рассказы, переводила.

Громозова Ольга Константиновна (Матюшина) – искусствовед, писатель. Жена художника-авангардиста М. В. Матюшина. Участвовала в собраниях матюшинского кружка. Работала в издательствах и книжных торговых организациях. Житель блокадного Ленинграда. Автор многих книг и журнальных публикаций, член союза писателей.

Сестры Громозовы на рубеже веков увлеклись романтикой освободительной деятельности. Активные, умные, одаренные, они видели в этой борьбе путь к обществу справедливости, добра и братства. Но вскоре пришли сомнения и разочарования. Дольше всех в революционных рядах оставалась Ия. Среди подпольщиков она встретила свою единственную любовь, Георгия Яковлева Франчески.

Георгий Яковлевич Франчески был видным революционером, его корни были итальянские. «Его предки были выходцами из Неаполя, - писала Ия Константиновна Франчески, - отец родился в России, мать была русской. Родился он в 1870 году в г. Одессе»¹⁰. Он навсегда связал свою судьбу с революцией, работал в Батуми и состоял в нелегальном кружке. В конце 1897 года Франчески был арестован и свыше полутора лет просидел в Метехском замке города Тбилиси. Примечательно, что в соседней от него камере, находился Максим Горький. Жандармерия пыталась связать дело Горького с делом Франчески, но безуспешно. Осенью 1899 г. Георгия Яковлевича выслали в вятскую губернию, где после отбытия ссылки он поселился, основал нелегальный кружок. Упоминания о Г. Я. Франчески, как о видном революционере, имеются во многих книгах и энциклопедиях, посвященных революционному движению.

Традиции семьи Громозовых-Франчески, которые передавались из поколения в поколение, во многом повлияли на формирование личности будущего поэта Игоря Франчески. Отличительной особенностью семьи Громозовых-Франчески была исключительная честность. Это семья, в которой все строилось на любви и взаимопонимании. Ия Франчески отмечала: «Мы с Жоржем [Г.Я. Франчески] были

---

¹⁰ ГАКО, Фонд 1397, опись 1, ед. хр. 11, с. 52.

предельно правдивы друг с другом, не выносили ложь, считая ее трусостью. И наши дети росли правдивыми и честными... Мы не «воспитывали» их, как это принято называть. Мы просто любили их и старались подавать хороший пример... Мы в детях видели будущего человека и всегда старались, чтобы наши слова не расходились с делом – ведь дети всегда и во всем подражают родителям и, к несчастью, в плохом обычно более, чем в хорошем. Мы любили друг друга, и в нашей семье не было ни грубости, ни ссор... Мы работали, и дети рано приучились к труду. Они рано узнали жизнь не как цепь различных развлечений, а как труд и вечную борьбу за кусок хлеба»¹¹.

С детства увлечениями Игоря Франчески стали чтение, естествознание и спорт. «Игорь рано научился читать, и с семи лет он уже читал научно-популярные книги Рубакина и Лукашевича. От отца он наследовал любовь к естествознанию»¹². Игорь Георгиевич был одним из первых в Вятке горнолыжников, пробовал себя в фигурном катании, также «он занимался легкой атлетикой, и его сальто-мортале с трапеции в воздухе были не хуже любого циркача. Зимой 1928 года Игорь был признан чемпионом Кирова по прыжкам с трамплина»¹³.

Осенью 1916 года он поступил в Коммерческое училище, которое считалось лучшим в Вятке.

В 1917 году в России установилась Советская власть, за которую так боролись сестры Громозовы и Г.Я. Франчески. Тогда еще никто из них не мог и представить, какое бедствие эта власть внесет в их семью в 30-е годы. После революции страну охватил голод, была введена карточная система, эти события отразила Ия Франчески в воспоминаниях: «В годы голода после революции дети худели и бледнели. Они как-то сразу повзрослели за эти годы»¹⁴.

1.2. Юношеские годы

Поэзия вошла в жизнь Игоря Франчески в юношеские годы, в конце 20-х гг., он вступил в литературное объединение «Перевал»,

---

¹¹ ГАКО, ф. 1397, оп. 1, ед. хр. 12, с. 115.

¹² ГАКО, ф. 1397, оп. 1, ед. хр. 12, с. 122.

¹³ ГАКО, ф. 1397, оп. 1, ед. хр. 12, с. 312.

¹⁴ ГАКО, ф. 1397, оп. 1, ед. хр. 12, с. 246.

выступал на «Перевальских сходках», появились его публикации. «При разборе его стихов было отмечено, что у него хорошая техника и много данных. Игорь много работал над техникой и содержанием своих произведений, - вспоминала Ия Константиновна. - Как я была счастлива, когда в «Кировской правде» появилось первое печатное стихотворение Игоря под названием «Морская, Южная», а вскоре и другое – «Спорт». Я знала, что Игорь талантливее меня. Теперь я, как товарищ и мать, вдвойне гордилась им, строя планы о его будущем, но жизнь сурово разбила его мечты»¹⁵. Стать поэтом помогли дружба с Леонидом Дьяконовым и Николаем Заболоцким и литературные традиции семьи. Ия Константиновна отмечала: «У Игоря рано проявилась любовь к поэзии. Возможно, на путь творчества его подтолкнул мой пример, так как в нем я всегда находила внимательного слушателя стихов...»¹⁶.

Окончив в 1925 году училище, Игорь Франчески поступил в технологический техникум, который закончил в 1927 году, получив специальность техника-технолога кожевенной промышленности. Игорь Георгиевич мечтал поступить в ВУЗ, и осенью 1927 года уехал в Ленинград, где жил у русского художника – авангардиста с мировым именем Михаила Матюшина, который приходился ему дядей. Игорь Франчески хотел связать свою жизнь со спортом, и поэтому надеялся поступить в институт физкультуры им. Лесгафта, где, как отмечал Д. С. Лихачев, «преподавались, и на очень высоком уровне, общеобразовательные предметы»¹⁷, но на вступительных испытаниях у Франчески нашли плоскостопие и предрасположенность к грыже. Путь к спорту, как к профессии, стал закрыт. Оставался второй путь - литература. Он поступил на литературные курсы с правами ВУЗа, но через два года они были расформированы. Поэтому в 1929 году Игорь Франчески вернулся в Вятку, поступил на работу на Хромовый завод.

---

¹⁵ ГАКО, ф. 1397, оп. 1, ед. хр. 12, с. 215

¹⁶ ГАКО, ф. 1397, оп. 1, ед. хр. 12, с. 306.

¹⁷ Лихачев Д.С. Петербург в истории русской культуры // Лихачев Д.С. Университетские встречи. 16 текстов. – СПб., 2006. – С. 20.

Но он мечтал продолжить обучение и снова попасть в Ленинград, но с завода его не отпускали. В это время невеста его друга Лида Б. устроилась в Ленинграде. У них возникла мысль зарегистрировать фиктивный брак ЗАГС-е, ведь по закону его не имели права держать на работе при условии, что жена живет в другом городе. Его мать вспоминала: «Было трудно судить об отношениях Игоря и Лиды. Мне казалось, что оба они бессознательно тянулись друг к другу, но невеста его друга была для него священна – их брак остался только на бумаге. Позднее Лида вышла замуж, но не за друга Игоря. Так кончилась эта романтическая история»¹⁸. После заключения брака осенью 1931 Игорь Франчески уехал в Ленинград, где вместе с Л. В. Дьяконовым поступил в Литературный институт. Игорь Георгиевич снова остановился у художника Михаила Матюшина, который часто звал его к себе и в письмах высоко отзывался о его творчестве: «Стихи, присланные тобой, прямо великолепны по рифме, по аллитерации! Я в восторге! Знаешь, твои стихи меня так волнуют своей значимостью. Из тебя, несомненно, выйдет толк, и ты станешь светить людям и расширять их сознание»¹⁹. Однако Литературный ВУЗ через год закрыли, некоторых его студентов перевели в другие ВУЗы, но Франчески и Дьяконова не взяли, так как они «писали не так». Игорь Георгиевич уже тогда понял, что «писать по-настоящему не дадут», и, подчиняясь необходимости, решил продолжить свое химическое образование. Он поступил в Научно-Исследовательский Институт Кожевенно-обувной промышленности, но в 1934 году он тоже был закрыт.

В 1934 году Игорь Георгиевич отправился в составе геологической экспедиции на Каспийское море, на остров Челекен. В 1935 году он окончательно вернулся в Вятку. Снова стал работать химиком-лаборантом на Хромовом заводе, но его все более увлекала поэзия. В их доме по вечерам часто собиралась молодежь, читали стихи, спорили, пели. Ия Франчески писала: «Старая дружба «товарищей по перу» еще более окрепла... Часто по вечерам, собравшись за чайным сто-

---

¹⁸ ГАКО, ф. 1397, оп. 1, ед. хр. 12, с. 318.

¹⁹ ГАКО, ф. 1397, оп. 2, ед. хр. 56, с. 42.

лом, мы слушали словесную перепалку друзей. Они были молоды, веселы и остроумны, их словесная дуэль доставляла всем большое удовольствие...»²⁰.

Однако заниматься литературой в то время было опасно. В советской литературе стали нарастать тревожные тенденции, свидетельствовавшие о том, что писательский труд все больше начинает привлекать к себе внимание и властей, и верных им «компетентных органов». О тревожной атмосфере того времени писал Д.С. Лихачев: «Люди не спали ночами. Люди жили в ожидании, что перед их окнами вот-вот возникнет и замолкнет шум автомобиля, и в дверях квартиры появится «железный» следователь в сопровождении бледных от ужаса понятых...»²¹. Ия Франчески так описала в воспоминаниях события тех лет: «Троцкистско-Зиновьевский процесс взволновал всю страну. Появилась какая-то настороженность. В газетах все чаще стали появляться статьи, разоблачающие «троцкизм в мировоззрении некоторых писателей». Исчезли с полок библиотек книги, недозванные цензурой, начались аресты... Атмосфера подозрения и страха все сгущалась и сгущалась... Наша молодежь, как и все, глубоко переживала троцкистский процесс... Но никто ни на секунду не мог подумать, что скоро над нами пронесется беда, разбившая жизнь нашей семье, такую ясную и радостную до сих пор»²².

Но наступил 1937 год... Начало фабриковаться дело «Литературной группы».

1.3. Дело «Литературной группы»

Поводом для фабрикации этого дела стал приказ высшего руководства. В начале 1937 года в «Кировской правде» вышла статья Молотова «Наши задачи в борьбе с троцкистскими и иными вредителями, диверсантами и шпионами», ставшая своеобразным «указанием к действию» для кировских правоохранительных органов. Позже, в августе 1938 года в «Кировской правде» была опубликована статья П.

---

²⁰ ГАКО, ф. 1397, оп. 1, ед. хр. 12, с. 345.

²¹ Лихачев Д.С. Красный террор // Лихачев Д.С. Избранное: воспоминания. – СПб., 1997. – С. 156.

²² ГАКО, ф. 1397, оп. 1, ед. хр. 12, с. 360.

Сажина «О неотложных задачах кировских писателей» - она усилила репрессивные меры среди литераторов.

«Наступил 1938 год, - вспоминал Игорь Франчески, - тогда развернулась эта кампания. То один, то другой партийные работники исчезали, беспартийные работники исчезали. Арестовали Леню. Ну, а раз Дьяконова арестовали, значит скоро и ко мне приблизятся... Дня два я был в подвешенном состоянии, и вот ночью пришли, все пере-рыли, захватили «вещественные доказательства», «объекты терроризма» и увели. Сначала я относился к этому даже с некоторым интересом, думал, что не может такого быть, чтобы в наше время арестовали совершенно невинного человека, думал, посижу маленько, потом выпустят. Но это все оказалось намного страшнее, чем я сначала предполагал»²³.

Обвинения, которые приписывали вятским литераторам, были чудовищны до нелепости: Акмина, Алдана-Семенова, Дьяконова, Лубнина и других обвиняли в подготовке террористических актов против самого Сталина, а также Ворошилова и Жданова; в написании стихов, критикующих советскую власть, попытке отравления водопровода в г. Кирове. Все обвиняемые были репрессированы. Так возникла «Литературная группа» и многотомное дело «Акмин и др.».

Игорь Франчески был арестован 8 апреля 1938 года. Он обвинялся по ст. 58 пп. 10, 11 УК РСФСР.

В ходе исследования мы разработали три основные версии причин его ареста:

1. Близкое знакомство с Л. В. Дьяконовым (который уже находился в заключении и обвинялся в двурушничестве, знакомстве с троцкистско-авербаховской писательницей Берггольц и антисоветской деятельности), ведь, как отмечал сам Игорь Георгиевич в воспоминаниях, в то время «брали всегда пачками».

2. Литературное творчество И. Г. Франчески, близкое к символизму, которое было неуютно властям, так как не отвечало требованиям «соц. реализма».

---

²³ ГАСПИ КО, «Запись воспоминаний И. Г. Франчески, сделанная в 1988 году Т. К. Николаевой», 3-я пленка, 2-я сторона.

3. Должность лаборанта в химической лаборатории (официальная версия) - возможность достать необходимые для проведения «террористического акта» составы.

В ходе исследования мы пришли к выводу, что основной причиной ареста Игоря Франчески явилось его литературное творчество.

К Игорю Георгиевичу, как и ко всем обвиняемым, применялись различные виды морального и физического воздействия, он с достоинством перенес все испытания.

Окончилось следствие, подготовлено обвинительное заключение. 1-2 апреля 1939 года состоялась выездное заседание военного трибунала Уральского военного округа. Слушалось дело «Акмин и др.» по обвинению членов «Литературной группы». ВТ определил: «Дело в отношении обвиняемых Колобова, Лубнина и Франчески, за недоказанностью предъявленного им обвинения, в уголовном порядке – прекратить. Мера пресечения в отношении Колобова, Лубнина и Франчески, - содержание под стражей, - отменить и из-под стражи их немедленно освободить»²⁴. Дела остальных были направлены на следствие.

1.4. «Длинней всякой боли – боль души...» [Последствия ареста]

В тот же день, 2-го апреля, Игорь Франчески был освобожден из-под стражи. Для него эта страшная история с арестом вроде бы закончилась, но ее тень легла на всю последующую жизнь, внесла в нее коренной перелом. Жизнь Игоря Георгиевича разделилась на два этапа: до 1938 года и после. Литературу как увлечение и, тем более, как возможную профессию, бросил, что неудивительно. Он не мог подстраиваться под идеологические требования. Ведь, как отмечал академик Лихачев: «Для писателя даже вопрос не стоит: говорить правду или не говорить? Для него это значит: писать или не писать...»²⁵; «потому что свобода – это основа творчества, именно свобода... Это и есть творческое начало, и убивать его нельзя»²⁶.

²⁴ ГАКО, ф. 1397, оп. 2, ед. хр. 95, с. 6.

²⁵ Лихачев Д.С. Тревоги совести // Лихачев Д.С. Об интеллигенции. – СПб., 1997. – С. 88 – 110. – Цит. по кн.: Лихачев Д.С. Избранное: мысли о жизни, истории, культуре. – М., 2006. – С. 289.

²⁶ Лихачев Д.С. Нас ждет то, что мы сделаем сами // Лихачев Д.С. Университетские встречи. 16 текстов. – СПб., 2006. – С. 71

Но после 1939 года все-таки появлялись редкие стихотворения – они свидетельствуют и о больших способностях, и о горячей любви к поэзии, в них чувствуется и боль поэта, глубокая душевная рана, которая окончательно не зажила. То есть можно сделать вывод, что тоталитарный режим помешал ему полностью раскрыть поэтический талант. Но Игорь Франчески не был сломлен тоталитарным режимом, с мужеством принял этот удар судьбы. Но он очень изменился, о чем свидетельствуют записи в дневнике матери - они передают тяжелейшие душевные последствия пережитых им событий:

«Мама, меня освободили! – голос его был какой-то глухой, он сильно побледнел, осунулся. Взгляд был напряженный и беспокойный, точно он чего-то боялся и сам не верил, что дома... В первое время он как-то тревожно прислушивался ко всякому стуку, точно боясь, что его снова арестуют. Он очень изменился. От прежнего Игоря, веселого и жизнерадостного, ничего не осталось – он стал молчаливый и замкнутый. Он почти ничего не говорил об обстановке тюрьмы и только раз обмолвился, что хотел буквально разбить голову о стену, но попытка не удалась....

Настало 1-е мая... Все веселились. Зайдя случайно в пустую комнату, я увидела Игоря. Глаза его были полны слез, и такое страдание было на лице, что я поняла, что он схоронил свою молодость, жизнерадостность, веру в жизнь и в справедливость.

- Мне тяжело, - сказал он.

Мне тоже было бесконечно тяжело, шум и веселье мне стали невыносимы. А чем я тогда могла утешить его за разбитую жизнь и поруганные мечты?! Самое страшное в жизни – когда страдает невинный человек. Игорь ни душой, ни телом не был виноват. Жизнь сурово и несправедливо обошлась с моим сыном. Двадцать лет прошло с тех пор. Сейчас Игорь уже Главный инженер завода, реабилитирован в глазах всех. Но седая голова, морщины на лице, замкнутость и сдержанность – следы пережитого. В тот день, 8-го апреля, исчез Игорь, веселый, остроумный товарищ, спортсмен и поэт, в стихах которого звучало так много юношеской веры и правды жизни. В тот

день, 8-го апреля, ушли молодость и беззаботность, ушло творчество, которое освещало жизнь...»²⁷.

Вот каково пагубное влияние тоталитарного режима на жизнь и судьбу человека!..

1.5. «Пусть махнет своей грязной лапой война...» [Военные годы]

«Наступило зловещее воскресенье 22 июня 1942 года, - пишет в воспоминаниях Ия Константиновна Франчески. - День выдался ясный, теплый. Под лучами яркого солнца все зеленело, распускалось. Все дышало радостью жизни... И вдруг война! На нас напали! Померкло и ясное утро, и радость жизни. Война как удар грома в ясном небе поразила всех, точно черной гранью, резко отделяя вчерашнее от сегодняшнего... Игорь был забронирован на завод, где работал, не считаясь со временем, чтобы заменить призванных товарищей. Он записался в формирующуюся добровольную дружину и проходил курс обучения военному делу»²⁸.

А в 1942 году Игоря Франчески вновь арестовали и мобилизовали в спецпоселение на Урал, под Челябинск, на строительство домны, в так называемую «трудармию». На этот раз уже не по сфабрикованному делу, а как иностранца из-за итальянской фамилии, хотя по паспорту был русским.

История освобождения из лагеря – крайне удивительная: Игоря Франчески освободили по личному приказу Лаврентия Павловича Берии в 1943 году.

«В то время Лаврентий Берия написал книгу об истории революционного движения Закавказья, - вспоминал Игорь Георгиевич. - Мой отец прочел книгу, где он и его брат Ипполит фигурировали, и заметил хронологические неточности, написал письмо: «Уважаемый товарищ Берия, у вас тут такие-то неточности и отступления». Берия выпустил книгу 2-го издания и внес их. Воспользовавшись тем, что имя отца Берии известно, я написал ему письмо, где сообщил, что по ошибке был мобилизован в «трудармию» как итальянец, пусть лучше меня отправят на фронт... И, представьте себе, приходит письмо с

---

²⁷ ГАКО, ф. 1397, оп. 1, ед. хр. 12, с. 402.

²⁸ ГАКО, ф. 1397, оп. 1, ед. хр. 12, с. 421.

подписью Берия: «Такого-то отправить домой как неправильно мобилизованного. По приезде встать на учет в военный комиссариат». Утром получил письмо, вечером меня уже освободили из лагеря. Вот такие удивительные происшествия в жизни бывают. Приехав домой, я отправился в комиссариат. Все-таки хотелось посмотреть, что такое война»²⁹. Но на войну он не попал, его направили работать в тылу.

«Мой сын мужественно выдержал удар и в дни Отечественной войны,- писала Ия Константиновна Франчески, - он дни и ночи работал в тылу на заводе, иногда валясь с ног от усталости. Медали его «За трудовую доблесть» и дочери «За защиту Ленинграда» для меня ценнее и выше всех знаков отличия, так как они показали, что сын и дочь мужественно выдержали свой первый жизненный экзамен, оставаясь «настоящими людьми»³⁰.

1.6. «Свой бег кончают наши волны...» [Последние годы жизни]

Закончилась война, вернулись с фронта уцелевшие друзья. Вскоре Игорь Георгиевич женился на Вере Ивановне Саньковой. У них выросли дети – сын Юрий и дочь Людмила, которых он очень любил, о чем свидетельствуют воспоминания родственников. «Сейчас это солидный отец семейства, специалист своего дела, нежный муж и отец, - пишет Ольга Матюшина в письме сестре Ии Франчески. - Кажется, трещина в его душе начинает понемногу сглаживаться, но он очень замкнут»³¹.

Игорь Георгиевич дожил до перестройки, до полной реабилитации - он был полностью реабилитирован 18 декабря 1992 г. К старости ослеп – сказалась наследственная болезнь по линии матери. Он до конца проявлял интерес к общественной жизни, к событиям в стране и мире.

28 сентября 1996 года, в возрасте 89 лет, Игорь Франчески умер.

---

²⁹ ГАСПИ КО, «Запись воспоминаний Игоря Георгиевича Франчески, сделанная в 1988 году Т. К. Николаевой», 4-я пленка, 3-я сторона.

³⁰ ГАКО, ф. 1397, оп. 1, ед. хр. 12, с. 450.

³¹ ГАКО, ф. 1397, оп. 2, ед. хр. 56, с. 23.

Глава 2. Лирика Игоря Франчески

При жизни Игоря Франчески его стихи не печатались, появлялись лишь отдельные публикации в периодической печати в 20-е гг. И лишь в 2001 году, по инициативе жены поэта В. И. Саньковой и детей Юрия и Людмилы Франчески, была издана первая и пока единственная книга стихов этого незаурядного человека, которого не сломали конвейерные застенки ГУЛАГа. Книга позволяет проникнуть в духовный мир автора, проследить основные этапы его творчества.

«Стихи, присланные тобой, прямо великолепны по рифме, по аллитерации! Я в восторге! Знаешь, твои стихи меня так волнуют своей значимостью. Из тебя, несомненно, выйдет толк, и ты станешь светить людям и расширять их сознание»³², - писал Михаил Васильевич Матюшин, русский художник – авангардист с мировым именем, Игорю Франчески в одном из писем.

«Стихи Игоря Франчески – это бусинки, узелки в череде судеб и событий, звенья цепи, идущей из далекого прошлого в будущее. Как поэт Игорь Георгиевич – наследник династийного поэтического дара, впитавший и фольклорную традицию своего прадеда, и классическую традицию книжности 19-го века, которую передала ему бабушка; и подчеркнутое внимание к необычной поэтической форме, к романтизму, витавшему в воздухе всю первую четверть XX века»³³, - пишет Т. К. Николаева.

2.1. Этапы творчества

В лирике Игоря Георгиевича, на наш взгляд, можно выделить три этапа.

Первый этап (1924-1926) – отражение общего настроения молодой поэтической волны того времени – яркий романтизм. Переживания лирического героя лишены полутонов, гиперболизированы, что подчеркивает романтическую суть лирики того периода. Имеются также стихотворения на мотивы произведений таких известных ро-

---

³² ГАКО, ф. 1397, оп. 2, ед. хр. 56, с. 42

³³ Николаева Т.К. «Длинней всякой боли – боль души» // Франчески И.Г. Избранное (стихи). – Киров, 2001. – С. 3.

мантиков, как Джека Лондона и Ибсена («Вся жизнь как игра!..»³⁴ (1926), «Не писаны, но знаемы законы!..» (1927)).

Второй этап (1927-1938) – период становления поэта, обретение собственного «я». Усложняется авторский взгляд на происходящее, расширяется палитра эмоционального настроения лирических произведений. Лирика носит преимущественно символический характер, хотя остаются и реалистические, и романтические элементы.

Символы для Франчески – не средство познания «непознаваемого», как для большинства символистов, а особые образы, способные передать психологическое состояние человека. Символы в его поэзии образно закрепляют соответствия между жизнью души и ее природно-бытовым окружением. Символический и импрессионистичный стиль Франчески проявляется в использовании разнообразных оттенков цвета, во внимании к изменчивым, едва уловимым состояниям природы, отражающим летучие внутренние состояния личности. К импрессионистическому стилю относится и исключительное внимание поэта к звуковому потоку стиха, культивирование изысканных благозвучий, многообразные по форме фонетические повторы, разнообразные способы ритмического обогащения стиха.

Также к этому этапу относится и, так называемое, «ОБЭРИУТское» творчество, которому свойственны новые методы изображения действительности, культивация гротеска, алогизма, поэтика абсурда. Яркий пример его «ОБЭРИУТского» творчества – стихотворение «Гулянье» (1927):

Оно идет посередине,
Немного сужено к началу.
За ним толпа, его качая,
Она его опередила и окружила ореолом.
Но вырез был простым и голым,
Желтил немного переспелым,
Торчал, как нож на фоне ночи,
Геометричен был и точен в своем движении ярко-белом.

Третий этап (с 1938) – период зрелой лирики Франчески. Произведения этого этапа отличаются глубоким самоанализом и под-

---

³⁴ Здесь и далее см. приложение И.Г. Франчески «Избранное»

ведением итогов жизни. Лирический герой несет в себе биографические черты автора. Стихи этого периода отличаются трагичными нотами.

Лирике Франчески свойственно разнообразие тем и мотивов. Среди отличительных черт тематической направленности его произведений можно отметить, что в зрелом творчестве поэт нередко возвращается к темам и мотивам ранней лирики.

Многогранность и многомерность творчества Франчески можно почувствовать и осознать, выделив основные темы его лирических произведений.

2.2. Основные темы и мотивы поэзии

Поиски гармонии, духовной близости и понимания нашли свое отражение в теме любви. **Любовная лирика** Франчески полна светлых и чистых чувств к женщинам. Его стихотворениям свойственна передача глубокого и емкого понятия любви. Тема любви, раскрывающая широкую палитру человеческих чувств, отражена в стихотворениях «Я шел по тротуару с ней...» (1927), «Вечером» (1927), «Ирисы» (1937), «Лисица» (1937), «Путь любви» (1939), «Вкус ваших губ...» (1939), «Голубою дорогой следов черноносые лыжи идут...» (1942), «Осенняя весна» (1946), «Где же ты?» (1946), «Как слепые щенята наши души ищут одна другую!..» (1946), «Улыбка» (1947), «Сонет» (1947). И если в начале творчества эта любовь полностью романтическая, то в стихотворениях 30-40-х годов встречаются трагические оттенки, но все же с обязательной надеждой на счастье.

Тема любви неразрывно связана с мотивами, рождающимися в воображении картины природы. **Пейзажная лирика** Франчески наполнена одухотворенной красотой, которая является источником духовных сил. Исходя из особенностей мировоззрения поэта, в природе отражаются трагические моменты жизни, изменения человеческой души. Особое место в стихотворениях о природе занимает образ моря, любовь к которому привил отец-моряк. Красота морских пейзажей раскрывается в стихотворениях «Ялта» (1927), «У моря» (1927), «Отец» (1927).

Но, кроме образа моря, у Игоря Франчески есть и описания родной, вятской природы в стихотворениях «Дорога» (1926), «Низких крыш отлогие наклоны...» (1927), «Роняет солнце вечерние грани...» (1927), «Ясень» (1928), «Подберезье» (1930), «На дороге луны» (1931), «Ирисы» (1937), «Остатки солнца в листьях ясеня...» (1943), «Олень – золотые рога» (1942).

Трогательные строки посвящает Игорь Франчески **родственникам и друзьям**. В стихотворении «Матери» (1925) подчеркивается их духовное родство: «

Мысли ход, нам обоим родной,
Даже в самом и гневном, и спорном
Нас связал неразрывно в одно.

В стихотворении «Отец» (1927) рисуется романтический и героический образ мужественного человека – борца, тоскующего по далеким южным странам, по родной Италии.

Слова скорби посвящены тете, Людмиле Громозовой:

Ты ушла, не увидевшись с нами!
С алой грудой разорванных тел!
Но осталось ведущее знамя
Яркой жизни и радостных дел.

Лучшему другу, Леониду Дьяконову, посвящено стихотворение «Другу» (1929):

Мы так же когда-нибудь сядем,
Как прежде – висок у виска!

Посвящениями является и любовная лирика, например стихотворения «Колышутся созвездия кувшинок...» (1948) и «Пожелание», адресованные жене поэта, Вере Ивановне Санькове.

Проблема личности является для Франчески основной. Она находит отражение в теме самопознания. **Мотивы личной судьбы** являются определяющими в творчестве Франчески. К этому циклу относятся стихотворения «Выстрелы» (1925), «Лыжник» (1927), «Вечером» (1927), «Прыжок» (1928), «Итоги» (1977), «Я учился терпению...» (1962), «Автопортрет» (1946), «Поэма о боли» (1938).

Тема личной судьбы тесно связана с **философской лирикой**. Автор размышляет над вечными темами и вопросами человеческого

существования в стихотворениях «Смех богов» (1925), «Не писаны, но знаемы законы!» (1927), «Ты стремишься, желаешь, тоскуешь...» (1927), «Ленинградский март» (1929).

Все темы и мотивы существуют в органическом единстве, создавая богатый художественный мир, имя которому – лирика Игоря Франчески.

Своеобразие лирического мышления требует индивидуальных поэтических форм и художественных средств. В любом стихотворении Игоря Франчески есть неповторимые яркие метафоры, которые говорят о чувствах лирического героя, о богатстве его внутреннего мира.

2.3. Лейтмотив творчества Франчески

Лейтмотивом всего творчества Игоря Георгиевича, отражающим главную мысль его произведений, могут послужить строки их стихотворения «Вкус ваших губ...» (1939):

Нельзя, и не нужно беречь
То, что для жизни, для траты, что боль или боль!
Высказать нужно порой не созревшую речь,
Трогать и брать, отдавая ценою любой!

Какие бы испытания ни выпали на судьбу лирического героя, он не жалеет о них, считая важным жизненным уроком («от этих ударов закалка видна»), и всегда есть в лирике Франчески надежда на счастливое будущее («живи в надежде – все пройдет»). Во всех стихотворениях прослеживается мысль, что все испытания, тяготы, лишения – это неотъемлемая часть жизни, они проходят, и за ними грядет «высокое счастье».

2.4. Анализ стихотворения «У моря»

Начало XX века – «серебряный век» русской поэзии. В этот период появляется множество модернистских направлений в литературе, самым емким и значимым становится символизм – поэзия тайн, полутонов, символов.

Игорь Франчески также обращается к символизму, это направление помогает ему передать образные состояния природы, а также свои чувства, мысли, настроение. Яркий пример – стихотворение «У

моря», написанное в 1927 году. Оно относится ко второму этапу творчества поэта, к пейзажной лирике:

У моря

Вечер черный и жгучий, как кровь дикаря,
В губы моря продел огневое кольцо...
Город в море смотрелся кокетки лицом,
Что глазами блестит под лучом фонаря.

А в горячей толпе шелест взглядов и губ,
Шепот легкий материй, касанья теней,
Перекресты, сплетенья, удары огней,
И жонглирует блеском волнистая глубь.

И в горячей толпе горячее душе.
Мы бродили вдвоем среди радостных лиц,
Посреди яркоперых порхающих птиц,
Только радость была — нашим взглядам мишень.

А потом повернули в душистую мглу,
Между стен из огромных шершавых камней,
И спадали доверчиво брызги ко мне
На плечо, на лету раздробясь о скалу.

Напряженной дугой берег тихо лежал,
И ладонью скользила волна по песку,
Прижимаясь виском к золотому виску
Острроверших, чешуйчатых, пенистых скал.

Расстилалась шипящая белая шаль —
На мерцающих призрачных гранях воды
Переливная пленка цветистой слюды
Мелкий гравий шагами мышино шуршал.

Золотые ступени роняла луна.
Белогривые кони бегущих гребней
Дико ржали в погоне за зыбью огней,
И хрустела изломом стекла глубина.

Ночь смотрела на звезды бездонностью глаз,
Бег волны на дыбы ставил дерзкий прибой,

И из нас каждый был белогривой волной,
Что на гравий ползла для одних только нас.

А потом мы влезали в крутое окно,
Где о раму чесал зелень игл кипарис,
И смеялся в лицо переливчатый бриз,
Исчезая, как сон, где-то там, за стеной.

«У моря» представляет собой описание вечернего города. Поэт никак не локализует позицию лирического «наблюдателя», не конкретизирует психологических обстоятельств его видений. Содержанием стихотворения становится мозаика мимолетных, рожденных фантазией поэта образов. Композиция стихотворения аморфна: каждая последующая строчка не столько расширяет сферу изображения, сколько варьирует на разные лады первоначальное мимолетное впечатление.

Внутренняя выразительность стихотворения – в преобразении статичной картины вечернего города в динамичный, непрерывно меняющий свое русло поток образов. Природные стихии оживлены характерным для Франчески приемом – олицетворением: в стихотворении все движется, чувствует, живет: «Белогривые кони бегущих гребней/Дико ржали в погоне за зыбью огней,/И хрустела изломом стекла глубина». За быстро меняющимися, калейдоскопически мелькающими ликами зимней ночи – легкокрылое воображение поэта-художника. Внешние очертания образов лишены графической четкости. Тончайшими касаниями поэт наносит лишь контуры предметов, заставляя их будто пульсировать под «лучом фонаря». Мотив трепета придает образному строю качества зыбкости, переменчивости, мимолетности. К этой семантической группе относятся слова и словосочетания: «касання теней», «перекресты», «сплетенья», «жонглирует блеском», «порхающих птиц», «скользила волна», «расстиралась шаль», «бегущих гребней», «в погоне за зыбью огней», «исчезая, как сон».

«У моря», как и многие стихотворения Франчески первого этапа его творчества, пронизано радужной светло-воздушной игрой. Создаваемые образы утрачивают вещественность, приобретают летучую невесомость, будто растворяются в «горячей толпе», «волнистой глу-

би» и «душистой мгле». Этому способствуют многочисленные эпитеты, в цепочке которых определяемое ими существительное как бы тонет («вечер черный и жгучий», «яркоперые порхающие птицы», «огромные шершавые камни», «островерхие, чешуйчатые, пенистые скалы», «шипящая белая шаль», «мерцающие призрачные грани воды»).

Лирика Франчески отличается «живописью слова» и музыкальным началом. Словесно-звуковой поток в стихотворении «У моря» имеет окраску баюкающего плескания, нежного журчания. Основной гранью звуковой организации стиха является широчайшее использование аллитераций и ассонансов. Особенный упор в стихотворении сделан на шипящие и свистящие согласные, по стихотворению прокатываются звуковые волны ш-щ-ч, с-з, оттеняющие тишину ночи шуршанием, шелестом и шепотом: «мелкий гравий шагами мышино шуршал», «расстилалась шипящая шаль», «вечер черный и жгучий», «душистая мгла», «шершавых камней», «глазами блестит», «островерхий, чешуйчатых, пенистых скал», «на мерцающих призрачных гранях», «изломом стекла», «чесал зелень игл кипарис», «смеялся бриз», «исчезая, как сон». Велика также роль сонорных согласных л-р-м-н и ассонансов. Следует отметить, что используемые Франчески аллитерации и ассонансы всегда выверены, всегда отвечают решаемой риторической задаче. Звукопись ни в коей мере не размывает смысловую определенности слов.

Таким образом, в стихотворении «У моря» выражено умение автора поэтически возвысить непостоянство настроений и импрессионистичность видения.

Заключение

Исследуя жизненный путь и творчество Игоря Франчески, мы пришли к выводу, что он с мужеством перенес все «удары» советской власти, которые не повлияли на его нравственные качества, однако стали переломным моментом в судьбе, подорвав веру в свободное творчество. Ведь, как говорил академик Д. С. Лихачев, «высокие достижения культуры возможны прежде всего в обществе, где ничто не мешает развитию свободных и талантливых личностей»³⁵. Вероятно, если бы Игорь Франчески не испытал на себе разрушительный натиск тоталитарного режима, его поэтический талант раскрылся бы в полную силу, вследствие этого его имя могло занять более достойное место в вятской и, возможно, российской литературе. Безусловно, тоталитарный режим страны пагубно влияет на жизнь и творчество человека.

Следует сделать также вывод о том, что все изменения в обществе, все социально-политические потрясения влияют на судьбы людей, порой кардинально меняя их. И нет гарантии того, что в настоящее время не могут произойти такие критические моменты. Поэтому нужно извлечь уроки из прошлого. «Настает эпоха, когда ошибки перестают быть допустимыми, - писал Д.С. Лихачев, - от ошибок теперь может пострадать все человечество. Будем же учиться на ошибках прошлого, то есть хорошо знать историю, уметь анализировать пройденный путь и ни в коем случае об этом пути не забывать»³⁶.

Ведь благодаря памяти сохраняются нравственные основы общества, именно эта идея легла в основу нашего исследования, «память – одно из важнейших свойств бытия, любого бытия: материального, духовного, человеческого, - утверждал Д.С. Лихачев, - Благодаря памяти прошедшее входит в настоящее, а будущее как бы предугадывается настоящим, соединенным с прошедшим. Память – преодоление

---

³⁵ Лихачев Д. С. Два русла русской культуры // Лихачев Д. С. Русская культура. – М., 2000. – С.43.

³⁶ Лихачев Д.С. Культура // Лихачев Д.С. Заветное. – М.: 2006. – С. 103.

времени, преодоление смерти. В этом величайшее нравственное значение памяти»³⁷.

В настоящее время ведется работа по возвращению имени Игоря Франчески в вятскую литературу. Готовится к изданию собственная книга автора о судьбе и творчестве этого незаслуженно забытого поэта.

Работа принята на постоянное хранение в архив ГАСПИКО, архив библиотеки им. Дьяконова, библиотеку им. Герцена, библиотеку № 7, опубликована в газете «Вятская речь». Результатом исследования стало также создание обширного краеведческого материала документального характера. Автором впервые переведены на бумагу, сданы в ГАСПИКО и опубликованы воспоминания Игоря Франчески, записанные ранее лишь на магнитофонные пленки. Также были впервые опубликованы отрывки из воспоминаний И.К. Франчески о жизни И. Г. Франчески, хранящиеся у родственников Франчески.

В ходе работы найдены уникальные материалы по истории Вятского края. Подробно изучены материалы ГАКО, ранее никем не использованные (о чем свидетельствуют абсолютно пустые листы использования документов во всех единицах хранения), где затрагивается история семьи Громозовых-Франчески. Научно-практическая значимость исследования подтверждается рецензиями и отзывами, копии которых предоставлены в приложении.

Намечены перспективы дальнейшего исследования: создание исследования «Параллели в судьбах Д.С. Лихачева и И.Г. Франчески» и изучение неопубликованной лирики Игоря Франчески.

Мы надеемся, что данная работа привлечет внимание специалистов к судьбе и творчеству Игоря Франчески. Он как незаурядный и необычайно талантливый поэт, может занять более достойное место в литературе. Необходимо возродить забытое имя.

---

³⁷ Лихачев Д.С. О памяти // Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном. – М.; 1988. – С. 198-199.

Библиография

I. Архивные источники:

1. Архив библиотеки им. Л.В. Дьяконова
2. Архив семьи Франчески
3. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО):
  - 3.1. «Запись воспоминаний И. Г. Франчески, сделанная в 1988 году Т. К. Николаевой» (Записи 1-12)
4. Государственный архив Кировской области (ГАКО):
  - 4.1. Фонд 1397, опись:

№ ед.хр.	Наименование единицы хранения	Исп. листы
1.	Автобиография И.К. Франчески, справки о работе и другие документы автобиографического характера	1-22
2.	Личные документы Г.Я. Франчески	1-27
3.	Семейный календарь Громозовых	1-53
7.	Письма Ольги Константиновны из Ленинграда	1-60
9.	Стихи И. К. Франчески	1-100
11.	Рукопись И.К. Франчески «Воспоминания о Георгии Яковлевиче Франчески»	1-36
12.	Автобиографическая повесть «Этого забывать нельзя» главы I, II, III, IV, V, IX, X	1-196
13.	И.К. Франчески. Отрывок из автобиографической повести «Этого забывать нельзя» для газеты	1-4
18.	И.К. Франчески. Черновая карандашная рукопись «Этого забывать нельзя». Вместо вступления	1 т.
19.	То же. Глава I	1 т.
20.	То же. Глава II	4 т.
21.	То же. Глава III	4 т.
22.	То же. Глава IV	4 т.
23.	То же. Глава V	7 т.
24.	То же. Глава VII	6 т.
25.	То же. Глава VIII	5 т.
26.	То же. Глава IX	2 т.
27.	То же. Глава X	5 т.
28.	То же. Глава XI	11 т.
29.	То же. Глава XII	10 т.

4.2. Фонд № 1397, опись 2:

№ ед.хр.	Наименование единицы хранения	Исп. листы
1.	Биографические документы И. К. Франчески	1-24
8.	И. К. Франчески «Прошлого забывать нельзя».	1-71

	Автобиографическая повесть. Введение. Черновик к 1-й части. Автограф.	
9.	То же. Часть 1. «На пороге жизни». Главы 1, 2, 3 (начало). Автограф.	1-93
10.	То же. Часть 1. Главы 3, 4, 5 (начало). Автограф.	1-92
11.	То же. Часть 1. Главы 5, 6(начало). Автограф.	1-107
12.	И. К. Франчески «Прошлого забывать нельзя». Автобиографическая повесть. Часть 2 «Пути – дороги». Главы 1, 2. Черновик. Автограф.	1-46
13.	То же. Часть 3 «В Петербурге». Главы 1, 2, 3 (начало). Автограф.	1-78
14.	То же. Часть 3. Главы 3, 4. Автограф.	1-106
15.	То же. Часть 3. Главы 5, 6, 7, 8, 9, 10. Автограф.	1-116
16.	То же. Часть 4 «Грозные годы». Главы 1, 2. Автограф.	1-121
17.	То же. Часть 4. Главы 3, 4, 5 (начало). Автограф.	1-99
18.	То же. Часть 4. Главы 5, 6, 7, 8, 9. Автограф.	1-171
19.	То же. Часть 4. Дополнения к 11 главе. Автограф.	1-21
20.	То же. Часть 4. Глава 15. Автограф.	1-50
21.	То же. Часть 4. Глава 17. Автограф.	1-101
22.	То же. Часть 4. Главы 18, 19 (начало). Автограф.	1-146
23.	То же. Часть 4. Главы 19, 20, 21 (начало). Автограф.	1-165
24.	То же. Часть 4. Главы 21, 22, 23 (начало). Автограф.	1-153
25.	То же. Часть 4. Главы 23, 24, 25 (начало). Автограф.	1-202
26.	То же. Часть 4. Главы 25, 26 (начало). Автограф.	1-86
27.	То же. Часть 4. Главы 26, 27. Автограф.	1-94

28.	И. К. Франчески «Прошлого забывать нельзя». Автобиографическая повесть. Черновик к 4-й части. Автограф.	1-82
29.	Рецензии на рукопись автобиографической повести И. К. Франчески «Прошлого забывать нельзя». Рукопись. Машинопись.	1-10
30.	И. К. Франчески «Мои воспоминания». Глава 11. Автограф.	1-73
33.	И. К. Франчески Автобиографические рассказы (без названия). Черновик. Автограф.	1-8
36.	И. К. Франчески. Стихи. Автограф. Машинопись.	1-46
39.	И. К. Франчески. Дневниковые записи за апрель – июнь 1958 по 12 июля 1962 г. Автограф.	1-182
41.	Письмо И. К. Франчески сестре, Громозовой Серафиме Константиновне.	1-3
42.	Письма И. К. Франчески дочери Тамаре.	1-28
43.	Письма И. К. Франчески сыну Игорю.	1-3
44.	Письмо И. К. Франчески в подготовительный комитет VI Всемирного фестиваля молодежи в г. Москве. Обращение к итальянской делегации. Машинопись.	1-4
45.	Письмо - отклик И. К. Франчески на статью «О литературном сорняке» (Борисе Пастернаке) в редакцию «Литературной газеты» и ответ редакции.	1-6
48.	Письмо И. К. Франчески Синельникову Семену Соломоновичу.	1-8
49.	Письма Франчески Игоря Георгиевича родителям.	1-100
50.	Письма Франчески Тамары Георгиевны родителям.	1-109
51.	То же.	1-96
52.	То же.	1-112
56.	Письма Матюшиной Ольги Константиновны сестре.	1-47
58.	Письма Караваева Виктора Тихоновича - друга И. Г. Франчески.	1-14
59.	Письма Соболева Василия Александровича.	1-4
60.	Письмо Стасовой Елены Дмитриевны о присылке ей рукописи повести «Прошлого забывать нельзя».	1-2
61.	Письма редактора М Л Сулимовой о работе над рукописью автобиографической повести И. К. Франчески "Прошлого забывать нельзя».	1-9
62.	Письма Щапова Якова Николаевича к И. К. Франчески с просьбой о написании ею воспоминаний для отдела рукописей Государственной библиотеки	1-14

	СССР им Ленина.	
63.	В. А. Соболев. «Сестры Громозовы». Киров, 1960. Типографский экземпляр с дарственной надписью Ии Константиновны Франчески от 26 апреля 1960 г.	1-17
65.	Фотографии И. К. Франчески (Громозовой).	1-9
66.	Фотографии И. К. Франчески в кругу семьи Громозовых.	1-10
67.	Фотографии И. К. Франчески с мужем Г. Я. Франчески и детьми.	1-11
69.	Письма Громозова Константина Ивановича дочерям. Автограф. Машинописные копии.	1-4
70.	Письмо Громозова Бориса Константиновича отцу. Автограф. Машинописная копия.	1-3
72.	Письма Громозову Владимиру Константиновичу от друзей	1-5
73.	Письма С. К. Громозовой родителям и сестрам. Автограф. Машинописные копии.	1-7
74.	Письма З. И. Моревой подруге.	1-6
75.	Письма Бонч-Бруевича Владимира Дмитриевича. Автограф. Машинописные копии.	1-7
76.	Л. К. Громозова. Трагикомедия в 5 действиях. (Без названия). Черновик. Автограф.	1-51
77.	Л. К. Громозова. «Лис, Бульдог и Кот». Сказка. Черновик. Автограф.	1-8
78.	Л. К. Горомозова. «Афера с арфисткой». Рассказ (1907 – 1911 гг.). Машинописная копия, подготовленная Т. К. Николаевой к печати. Вводная статья Т. К. Николаевой о жизни и творчестве Л. К. Громозовой. Машинопись с авторскими правками.	1-7
79.	Л. К. Громозова. Стихи. Автограф. Машинопись.	1-7
80.	Письма Громозовой Людмилы Константиновны матери. Автограф. Машинописные копии.	1-4
81.	Фотографии Л. К. Громозовой.	1-7
82.	Письма О. К. Матюшиной (Громозовой) родителям и сестрам. Автограф. Машинописные копии.	1-10
83.	Письмо О. К. Громозовой подруге.	1-2
84.	Письма О. К. Матюшиной племяннице – Т. Г. Зингер.	1-99
85.	Письмо О. К. Матюшиной Герасимову Петру Аркадьевичу и ответ на него.	1-8
86.	Письмо О. К. Матюшиной главному врачу Дома ветеранов КПСС (г. Ленинград).	1-2
87.	Письма друзей.	1-50
88.	Письмо В. А. Соболева О. К. Матюшиной.	1-3

89.	Фотографии О. К. Матюшиной (Громозовой).	1-18
90.	Биографические документы Г. Я. Франчески.	1-35
91.	Письма Франчески Ипполита Яковлевича брату.	1-5
92.	Переписка Герасименко (Франчески) Евгении Яковлевны с братом.	1-6
93.	Фотографии Г. Я. Франчески.	1-3
94.	Фотографии Франчески Ипполита Яковлевича – старшего брата Г. Я. Франчески.	1-6
95.	Документы к биографии И. Г. Франчески (заявления, жалобы, служебные письма областного прокурора, копия определения военного суда о прекращении дела и освобождении). Рукопись. Машинопись.	1-8
96.	И. Г. Франчески. «Зло». Сказка. Автограф.	1-2
97.	И. Г. Франчески. Стихи. Автограф.	1-8
98.	И. Г. Франчески. Заметки и воспоминания о значении физкультуры и спорта. Машинопись.	1-5
99.	Письма И. Г. Франчески сестре Тамаре.	1-6
100.	Письма И. Г. Франчески друзьям.	1-7
101.	Письмо И. Г. Франчески в редакцию газеты «Кировская правда». Машинопись.	1
102.	Письма Синельникова Семена Соломоновича. Машинопись.	1-3
109.	Письма Т. Г. Франчески брату Игорю.	1-6
110.	Письмо Т. Г. Франчески Громозовой Серафиме Константиновне.	1-2
111.	Письма Т. Г. Франчески Громозову Владимиру Константиновичу.	1-3
112.	Письма Т. Г. Зингер сыновьям – Анатолию и Геннадию.	1-14
113.	Письма детей и внуков Т. Г. Зингер.	1-132
114.	Письма Анатолию и Геннадию Зингерам от друзей.	1-33
128.	Письма Л. Н. Заболотской Л. В. Дьяконову.	1-9

II. Печатные источники:

1. **Аксенова, М.** Энциклопедия для детей «Аванта +» [Текст]. Том 9, ч. 2. Русская Литература XX век / М. Аксенова. - Москва: Издат. Центр «Аванта+», 1999. - 688 с.: ил.; 26 см. - 30 000 экз. - ISBN 5-89501-029-6 (т. 9, ч. 2); ISBN 5-8951-001-6.
2. **Бакулин, В. И.** Листая истории страницы: Вятский край и вся Россия в XX веке. Сборник научных статей [Текст] / В. И. Бакулин. Федеральное агентство по образованию. Вятский Государственный Гуманитарный Университет. – Киров: изд-во ВятГГУ, 2006. – 203 с.; 21 см. – 300 экз. – ISBN 5-93825-339-X.

3. **Бердинских, В. А.** Вятлаг [Текст] / В. А. Бердинских. – Киров: Киров. обл. тип., 1998. – 320 с.: ил.; 21 см. – 1000 экз. – ISBN 5-88186-195-7.
4. **Бердинских, В. А.** Спецпоселенцы. Политическая ссылка народов Советской России [Текст] / В. А. Бердинских. – Киров: КОГУП Киров. обл. тип., 2003. – 528 с.: ил.; 21 см. – 300 экз. – ISBN 5-88186-489-1.
5. **Бердинских, В. А.** Энциклопедия земли вятской [Текст]. В 10 т. Т. 4: История / В. А. Бердинских. Обл. писат. организация; Обл. администрация; Вят. торгово-промышленная палата. – Киров: ГИПП «Вятка», 1995. – 528 с.: ил.; 20 см. - 20 000 экз. – ISBN 5-86645-010-0.
6. **Гаспаров, М. Л.** Русский стих начала XX века в комментариях. Учебн. пособие [Текст] / М. Л. Гаспаров. – М.: КД Университет, 1988. – 272 с.; 20 см.; 5 000 экз.
7. **Запесоцкий, А. С.** Культурология Дмитрия Лихачева [Текст] / А. С. Запесоцкий, А. А. Гусейнов. – СПб.: изд-во СПбГУП «Наука», 2007. – 528 с.; 21,5 см. – 2000 экз. – ISBN 978-5-7621-0156-1 (СПбГУП), ISBN 978-5-02-026506-6 («Наука»).
8. **Карачаров, Ю. Г.** Все равно буду жить! Документальный рассказ о жертвах сталинских репрессий в Кировской области [Текст] / Ю. Г. Карачаров. – Киров: Волго-Вятское кн. изд-во, Киров. отделение, 1990. – 192 с.; 17 см. – 5000 экз. – ISBN 5-7420-0490-7.
9. **Кожин, В. В.** Россия. Век XX. (1901 -1939) [Текст] / В. В. Кожин. - М.: Изд-во Эксмо; Изд-во Алгоритм, 2005. – 448 с.; 21 см. – 3000 экз. – ISBN 5-699-09128-9.
10. **Кожин, В. В.** Россия. Век XX. (1939 -1964) [Текст] / В. В. Кожин. - М.: Изд-во Эксмо; Изд-во Алгоритм, 2005. – 448 с.; 21 см. – 3000 экз. – ISBN 5-699-09129-7.
11. **Кузин, Ф. А.** Кандидатская диссертация. Методика написания, правила оформления и порядок защиты: практическое пособие для соискателей ученой степени [Текст] / Ф. А. Кузин. – М.: «Ось-89», 2007. – 224 с.; 20 см. – 3500 экз. – ISBN 978-5-98534-586-5.
12. **Кутузов, А. Г.** В мире литературы. 11 класс: учебник для общеобразовательных учреждений гуманитарного профиля [Текст] / А. Г. Кутузов, А. К. Киселев, Е. С. Романичева, И. И. Мурзак, А. Л. Ястребова; под ред. А. Г. Кутузова. – М.: Дрофа, 2002. – 464 с.: ил.; 21 см. - 15 000 экз. - ISBN 5-7107-6078-1.

13. **Леготин, В. В.** Книга памяти жертв политических репрессий [Текст]: в 6 т. Т. 4 / В. В. Леготин, Л. С. Вепрева, Н. И. Зырина, Т. В. Птушкина. – Киров: КОГУП Киров. обл. типография, 2001. – 544 с.; 25 см. – 1000 экз. - ISBN 5-88186-380-1.
14. **Лихачев, Д. С.** Заветное [Текст] / Д. С. Лихачев. – М.: Издательский, образовательный и культурный центр «Детство. Отрочество. Юность», 2006. – 271 [1] с.: ил.; 21 см. – 100 000 экз. – ISBN 5-9639-0068-9.
15. **Лихачев, Д. С.** Заметки о русском [Текст] / Д. С. Лихачев. – М.: Советская Россия, 1984. – 64 с.; 29 см. – 50000 экз.
16. **Лихачев, Д. С.** Избранное. Воспоминания [Текст] / Д. С. Лихачев. – С-Пб.: изд-во «LOGOS», 1997. – 608 с.: ил.; 21 см. – 3000 экз. – ISBN 5-87288-150-9.
17. **Лихачев, Д. С.** Избранные труды по русской и мировой культуре [Текст] / Д. С. Лихачев. – С-Пб.: изд-во СПбГУП, 2006. – 416 с.; 21,5 см. – 2000 экз. – ISBN 5-76-21-0279-3.
18. **Лихачев, Д. С.** Письма о добром и прекрасном [Текст] / Д. С. Лихачев. – М.: Дет. лит., 1988. – 238 с.: фото-ил.; 17см. – 100 000 экз. – ISBN 5-08-001057-6.
19. **Лихачев, Д. С.** Университетские встречи. 16 текстов [Текст] / Д. С. Лихачев, науч. ред. А. С. Запесоцкий. — СПб.: СПбГУП, 2006. — 96 с.: ил.; 21,5 см – 5000 экз. – ISBN 5-7621-0375-7.
20. **Мелуа, А. И.** Репрессированная наука (The oppressed science) [Текст] / А. И. Мелуа, В. М. Орел, под ред. Г. Ярошевского, предисловие Д. С. Лихачева. Академия наук СССР. Институт истории естествознания и техники, Ленинградский отдел. – Ленинград: «Наука», Ленинградское отделение, 1991 – 560 с.; 25 см. – 10000 экз.
21. **Мильчаков, Е. А.** Грозы и травы. Жизнь и творчество Алексея Ивановича Мильчакова – поэта, издателя, библиофила (1900 – 1966) [Текст] / Е. А. Мильчаков. – Киров, 2001. – 304 с.: ил.; 21 см. – 1000 экз. – ISBN 5-85271-012-1.
22. **Михеев, А. М.** Энциклопедия земли вятской [Текст]. В 10 т. Т. 4: Знатные люди: библиографический словарь / А. М. Михеев, В. А. Никонов, В. А. Ситников, Н. Г. Протопопов, В. В. Втюрин, Ф. И. Юшин. Обл. писат. орга-

низация; Администрация Киров. обл. – Киров: ГИПП «Вятка», 1996. – 544 с.: ил.; 20 см. - 15 000 экз. – ISBN 5-86645-014-3.

- 23. Мусихин, В. Е.** Из истории Вятских спецслужб и полиции (вторая половина XIX – первая половина XX вв.): Материалы докладов и документов научно-практической конференции, Киров, 25 мая 1996 г) [Текст] / В. И. Бакулин, Ю. А. Балыбердин, В. А. Бердинских, Г. А. Гаврилов, И. В. Дьяков, В. В. Коваленко, Ю. Г. Кузовлев, В. Е. Мусихин, П. Т. Ожегов, В. К. Семибратов, В. Д. Сергеев, Г. А. Стрельников, Ю. Н. Тимкин, Н. Н. Ярыгин. Кировское отд. юридического факультета института МВД РФ. Управление ФСБ России по Кировской обл. Кафедра краеведения ВГПУ. – Киров: ООО «Триада – С», 1997. – 174 с.; 20 см. – 1000 экз. – ISBN 5-88186-180-9.
- 24. Пластинин, В. В.** Литературный Киров [Текст] / В. В. Пластинин. – Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, Киров. отд., 1982. – 128 с.: ил.; 21 см. – 10000 экз.
- 25. Поздеев, В. А.** Энциклопедия земли вятской [Текст]. В 10 т. Т. 2: Литература / В. А. Поздеев; под ред. М. П. Чебышевой. Обл. писат. организация; Обл. администрация; Вят. торгово-промышленная палата. – Киров: ГИПП «Вятка», 1995. – 576 с.: ил.; 20 см. - 30 000 экз. – ISBN 5-86645-006-2.
- 26. Поздеев, В. А.** Антология Вятской литературы [Текст]. Т. 2: Вятская поэзия XX века / В. А. Поздеев. Кировское отделение Союза писателей России. Правительство Кировской области. – Киров: ОАО «Дом печати – Вятка», 2005. – 416 с.; 20 см. – 2 200 экз. – ISBN 5-85271-069-5; ISBN 5-85271-194-2.
- 27. Франчески, И. Г.** Избранное (стихи) [Текст] / И. Г. Франчески; сост. Ю. И. Франчески; автор вступ. ст. Т. К. Николаева. – Киров: ГИПП «Вятка», 2001. – 128 с.: ил.; 14 см. – 500 экз. – ISBN 5-85271-037-7.
- 28. Франчески, И. К.** Связная партии: повесть для юношества [Текст] / И. К. Франчески. – Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1965. – 208 с.: ил.; 20 см. – 15 00 экз.
- 29. Яковлев, А.Н.** Реабилитация: политические процессы 30-50-х годов [Текст] / А.Н. Яковлев, И.В. Курилов, В. П. Наумов. – М.: Политиздат, 1991. – 461 с.: ил.; 22 см. – 100 000 экз. – ISBN 5-250-01429-1.

Сериальные и иные продолжающиеся ресурсы:

- 1. Вятская речь** [Текст] / Учредитель Кировское отд. Советского фонда культуры и творческих организаций. – Киров. – 8 полос. – 1991, № 9, 10. - 2500 экз.

2. **Кировская правда** [Текст] / Учредитель орган Обкома и Горкома ВКП (б) Облисполкома и Горсовета. – Киров. – 4 полосы. – Ежедневн. – 1937 № 74 (688) – 148 (762), 1938 № 150 (1055) – 226 (1122).
3. **Комсомольское племя** [Текст] / Учредитель орган Кировского обкома ВЛКСМ. – Киров. – 12 полос. – Ежедн. – 1988, № 116 – 118 (7131 - 7133). – 40 000 экз.
4. **Новосибирский епархиальный вестник** [Текст] / Учредитель новосиб. епархия РПЦ, изд. по благословию Высокопреосвященнейшего Тихона Архиепископа Новосиб. и Бердского. – Новосиб. - №9 (57) сентябрь 2006 (специальный выпуск, посвященный 100-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачева).
5. **Приборостроитель** [Текст] / Учредитель орган парткома, завкома, комитета ВЛКСМ и дирекции завода № 2 «Физприбор». – Киров. – 4 полосы. – Ежедн. – 1967, № 2 (100) - № 4 (102).
6. **Сквозь границы: культурологический альманах** [Текст]: научно-публицистическое издание / Учредитель ВятГПУ. – Киров. - №1, 2002.
7. **ОЧЕНЬ-УМ** [Текст] / Учредитель СПбГУП. – СПб. – 2006–2007, № 1 (специальный выпуск, посвященный 100-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачева).

Интернет-ресурсы:

1. Международное историко-просветительское и правозащитное общество “Мемориал” www.memo.ru.
2. Площадь Д.С. Лихачева www.lihachev.ru.

Электронные ресурсы:

1. **Жертвы политического террора в СССР. Диск 1: 1 345 796 имен жертв политических репрессий** [Электронный ресурс]. – Электронный, текстовые, графические данные и прикладная программа (530 Мб). – М.: Международное общество “Мемориал”, Комиссия при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий, Музей и общественный центр им. А.Д.Сахарова, Региональная общественная организация “Открытая Россия”, 2006. – 1 электронный оптический диск (CD-ROM): зв., цв.; 12 см.-. – Загл. с экрана. – Диск помещен в контейнер 12x14см.
2. **Жертвы политического террора в СССР. Диск 2: Документы и справочники по истории террора** [Электронный ресурс]. – Электронный, тек-

стовые, графические данные и прикладная программа (107 Мб). – М.: Международное общество “Мемориал”, Комиссия при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий, Музей и общественный центр им. А.Д.Сахарова, Региональная общественная организация “Открытая Россия”, 2006. – 1 электронный оптический диск (CD-ROM): зв., цв.; 12 см.-. – Загл. с экрана. – Диск помещен в контейнер 12x14см.

3. **Избранные труды по русской и мировой культуре** [Электронный ресурс]: [сб.] / науч. ред. Ю. В. Зобнин; СПбГУП. – СПб.: СПбГУП, 2006. – 416 с. – (Почетные доктора Ун-та). – Загл. с экрана.
4. **Консультант плюс** [Электронный ресурс]. – Электронный, текстовые, графические данные и прикладная программа (514 Мб). – М.: Большая Рос. энцикл. [и др.], 2006. – 1 электронный оптический диск (CD-ROM): зв., цв.; 12 см.- (Современная универсальная Российская энциклопедия). – Загл. с экрана. – Диск помещен в контейнер 12x14см.

III. Устные источники:

1. «Запись воспоминаний Николаевой Т. К., сделанная в 2008 году»
2. «Запись воспоминаний Саньковой В.И., сделанная в 1988 году»
3. «Запись воспоминаний Франчески И. Г., сделанная в 1988 году Николаевой Т. К.»
4. «Запись воспоминаний Франчески Я. Н., сделанная в 2008 году»

Приложение

Игорь Георгиевич Франчески

Избранное (стихи)¹

Содержание

«Вся жизнь как игра!»	4
Матери.....	4
Рабфаковцы.....	4
Урожай.....	4
Выстрелы	5
Есенину	5
Смех богов	5
Дорога	6
«Есть много радости в земном»	6
Переулок	6
«Низких крыш отлогие наклоны...»	6
«Я шел по тротуару с ней...»	7
«Ранят солнце вечерние грани...»	7
Лыжник	7
Солнечный день	8
Ялта	8
У моря	8
Отец	9
Тропическая и трагическая история о любви сучка к обезьяне	9
«Не писаны, но знаемы законы!..»	10
«Ты стремишься, желаешь, тоскуешь...»	10
«Жизнь смешна...»	10
Поединок.....	11

---

¹ Франчески, И. Г. Избранное (стихи) [Текст] / И. Г. Франчески; сост. Ю. И. Франчески; автор вступ. ст. Т. К. Николаева. – Киров: ГИПП «Вятка», 2001. – 128 с.: ил.; 14 см. – 500 экз. – ISBN 5-85271-037-7.

Вечером.....	11
Людмиле Громозовой.....	11
«Упал горизонт на глаза»	11
Письмо	11
Ясень	12
На мосту.....	12
Любовь собак.....	12
Охота самца	13
Кошачий месяц.....	14
Прыжок	14
В монастырской церкви.....	15
«Под ним ломались параллели»	15
Состязание	15
Раунд	15
Другу	16
Ленинградский март	16
Гулянье.....	17
Последний романтик	17
«Я суставы схлестнул на гортани часов»	18
Земляничное лето.....	18
Разговор.....	18
«Фригидности мая...».....	19
Подберезье	19
На дороге луны.....	19
На катке.....	20
Ирисы	20
Лисица.....	21
«Длинней всякой боли – боль души».....	21
Поэма о боли.....	21
Путь любви	21
«Вкус ваших губ...».....	22
«Голубою дорогой следов...»	23
«Остатки солнца в листьях ясеня...»	23
Олень – золотые рога.....	24
«Я опять бинтую душу сном».....	24

Новогодняя застольная.....	24
Собака	25
«Одиннадцать раз...».....	25
«Чужим пылающим огнем...»	25
Осенняя весна.....	26
Где же ты?.....	26
«Как слепые щенята...».....	26
Автопортрет.....	27
«Живи в надежде: все пройдет».....	27
«Упорной мыслью...».....	27
«Истрачен четвертый десяток.....	27
Баллада об ослах	28
На велосипеде.....	28
Улыбка	29
Сонет	29
«Свой бег кончают наши волны»	29
Пожелание	29
«Кольшутся созвездия кувшинок...»	30
«Я учился терпенью...»	30
Итоги	31

«Вся жизнь как игра!»

Матери

Ничего, что минутные ссоры
Наложили гнетущую тень.
Жизни будничной жалкие вздоры
Разобьет наступающий день!

Ничего, что усталостью ноет
Повседневно натруженный ум,
Каждый жест, каждый шум беспокоит
В злобном карканье траурных дум.

Посмотри и пойми: в самом корне
Мысли ход, нам обоим родной,
Даже в самом и гневном, и спорном
Нас связал неразрывно в одно.

Ни к чему нам пустые упреки,
Жалких слов не отогнанный рой.
Лучше выльем в певучие строки
То, что нас угнетает порой!
1925

Рабфаковцы

В крутую прямь тяжелых бревен
Пилы, жующий разговор.
Смолистый срез упрямо ровен,
И гулко падает топор.

Лицо залито едким потом,
Под шапкой пряди — стебли ржи.
В опухлость глаз легла забота,
Спина уставшая дрожит...

Чертила на заборных скрепах
Сталь синеватую дугу...
Привыкли руки к взметам цепа,
К свистящим косам на лугу.

Они пришли из деревушки,
Пришли, чтоб пить страницы книг.
Кромсать сосновые краюшки
Велел им буйной жизни миг.

В ребристом скачущем полене
Светлела звонкость серебра.
Они прочтут, что пишет Ленин,
В читальне книги перебра.

Мелькайте, жилистые руки!
Пред ними светят вечера

На книги, купленные стуком
Коротким стуком топора.

И в интернате душном, тесном
От шума пухла голова,
Но топорами в сердце веско
Врубались нужные слова.

Топор замолк. На землю кинут
Пилы сияющий зигзаг.
А завтра свежесть мысли двинут
На шумный радостный рабфак.
1925

Урожай

Эй, Вы! Кто в Русь Советов не верили!
Виноватые или без вин!
Вон стоит только плюсами смиренный
СССР золоченый овин!

Золоченый овин — гора хлебная!
Как буржуй, чемоданом живот!
Зазвучав молотилок молебнами,
Русь собрала ржаной умолот!

Среди кочек - избушек взъерошенных,
В щетках жнивья, коврах озимей,
Он поднялся, дождем запорошенный,
Молодой урожай-богатеи!

Серп собрал его в страды палящие,
Засветленным в мельканье клинков.
Он - создание миллионов трудящихся
Наших, русских, простых мужиков!

И теперь что нам жемчуг с алмазами
Перед дробной монетой зерна!
О советском богатстве рассказами
У Нью-Йорка всплеснется волна!

Он, мужик, с бородой широченною,
Крепко вросший в просторы лугов,
Он рассыплет над пестрой вселенною
Драгоценности наших хлебов!

И тому, кто сковал серпы молотом,
Чтобы снять золотой урожай,
Сыплет в пригоршни хлебом размолотым,
Не скупится мужик, через край!

Капиталу бумажными актами
Перельет он пшеничную кровь,
Чтобы острыми плугами тракторов
Приподнять черноземную новь!

1925

Выстрелы

Где кляксы гнезд грачиных вкапаны:
На мутном кружеве ветвей,
Мой пес следил сырыми лапами
И носом путался в листве.

Ружье на рукаве уложено,
Даль стережет черненый ствол!
И сквозь вниманья настороженность
Чуть слышно шепчет суходол.

Округлость дула светит мушкой,
Тяжел приятно патронташ,
На пояс давит жесткой кружкой
Неловко вскинутый ягдташ.

Хрустящий лист у ног корежится.
Глаза опутал дым кустов.
На спуске гибкий палец ежится,
К сухому выстрелу готов!

Собачий скак, и мушка вцепится
В летящий ржаво-красный ком!
К щеке привычно ложка лепится,
И твердый звук сверкнет огнем.

Полет оборван дымом включенным,
Паденья стук, звенящий визг,
И пес, тревожно-озабоченный,
Приносит мне кровавый приз!

В лесу отрывисто закаркала
Орда испуганных ворон.
Затвором длинным глухо шаркая,
Вползает мягко в ствол патрон.

Мне жаль, но если с треском ринется
Из листьев скачущий полет,
Стальное дуло снова вскинется,
И точный выстрел попадет!

Костер цветет прозрачным пламенем.
Плюется чайник на углях.
Легла усталость грузом каменным

В намокших длинных сапогах.
1925

Есенину

Траура черными пятнами
Панихидные строчки газет!
Брошен петлею в смерть безвозвратно
Мой любимый, печальный поэт!

О тебе говорилось так много!
И мой не услышишь ты крик.
И твоя золотая дорога
Привела в безысходный тупик!

Голубые печали и песни,
Бесшабашный кабацкий разгул...
Русь широким крестом перекрестит
Тихий гроб на алмазном снегу!
1926

Смех Богов

На мотив Джексона Лондона

Вся жизнь как игра! На зеленом сукне мы
столкнулись.
Рулетка мелькает, и шарик счастья
несутся.
Над нею дрожащие руки и лица нагнулись,
А там, наверху, боги дико смеются,
смеются.

К столу мы прикованы цепью из наших
желаний.
Игра так азартна! Никто не уйдет от
расплаты!
Под стон проигравших и радостный вопль
ликованья
Рулетка кружится, кружится крылато.

Вот выиграл ты! И от счастья дрожа,
собираешь
Звенящую груды и чувствам боишься
поверить.
А боги смеются: выигрывая, проиграешь!
Ведь боги и чувство, и счастье твое будут
мерить!

Желая, уже ты имеешь ключи к
обладанью.
Иметь и насытиться, все это просто и
скучно!
Желанье умрет, ты стремишься за новым
желаньем.

А боги смеются, смеются, смеются
беззвучно.

Откинь все желанья, нельзя, тем и лучше –
не надо.

Дай плоду созреть, и он сам упадет тебе в
руки.

Но боги смеются - и в этом не сыщешь
отраду.

И скука не служит целебным лекарством
от скуки.

Одно остается — смеяться, смеяться,
смеяться!

Смеяться, играя в тяжелом, удушливом
гаме.

Вот этим ты можешь хотя бы немного
сравняться

И шансы прибавить, играя с собой и
богами!

1926

Дорога

Стучат колеса тарантаса
И пахнет сеном и крапивой.

Слепни толкутся в буйном плясе
Над лошадиной желтой гривой.

Уже привычная неловкость,
Как в скорлупе среди котомок.
И пританцовывает ловко
Бегущий рядом жеребенок.

Такая лень, такая слабость.
Плетушка скачет и танцует.
А солнце, привалившись на бок.
Колоколец в дуге целует.

Волнами вздыбилась равнина.
Так высоко, у края неба.
Я в этой местности пустынной
Как будто был, как будто не был.

А солнце шурилось, резвясь.
Как золотая паутина,
И ось, скрипя дегтярной песней,
Меня толкла мягко в спину.

1926

«Есть много радости в земном»

Переулочек

На окраине хорошо
Потерять перескок минут,
Где дорога, как ремешок,
Подпоясала целину.

Переулочек и тих, и глух,
Как запечье в пустой избе.
Чуть отцветит снежинок пух
Голубиным пером небес.

Фонари не горят но мгле,
Но мерцает окна наклон.
Так в седой и рябой золе
Иногда заблестит стекло.

Через улицу снежный брод
В тротуарные берега.
На широких плечах ворот
Полушубком висит пурга.

Тени крадутся у стены.
Уши ватой заткнула тишь.
И дома стоят, накренив

Полукружья тяжелых крыш.

Пелена на глазах бела
И обветрела нежность губ...
Разроняли собаки лай
Колокольчиками в снегу.

1927

* * *

Низких крыш отлогие наклоны
Снег облил глазурью изразцов.
И луна серебряной иконой
Поднимала древнее лицо.

На дороге проскользнувший полоз
Голубую ленту потерял.
Каждый дом до края стекол полон
Золотою пеной янтаря.

И на лбу задумавшихся окон
Отпечатались морщины рам.
Завился прозрачный длинный локон
У виска седого фонаря.

Как узор старинной филиграни,
Будет нас всегда собой манить –
Сталь коньков, причудливо играя,
Размотала огненную нить.

Хорошо, когда иглой кристалла
Каждый снежный выступ освещен,
Проходить по сонному кварталу,
Тень плащом накинув на плечо.
1927

* * *

Я шел по тротуару с ней,
Где улицы граненый огиб.
И запустил легонько снег
Чугунное литье дороги.

Тот зимний день был первым днем,
И свежесть сыпал снега вылет.
Шагами уличное дно
Нетерпеливо толпы били.

Как падал снег, мой капал шаг
На мостовой кулак булыжный.
Следам метели не мешать,
Она неровность камня выжнет.

И шли мы так, не говоря,
Зрачков кругом не раскидали.
Поднявшийся буран швырял
Лохмотья снега в дымку дали.
1927

* * *

Ранят солнце вечерние грани.
Небо стало заметно белей.
Тает стружкой, как сахар в стакане,
В теплом дыме узор тополей.

Город дышит, как спящий ребенок.
Дым вороной кружит у конька.
И до боли и близок, и звонок
Синий хруст молодого снежка.

Ветер носит морозный запах,
Раздвигающий дуги ноздрей.
На еловых оснеженных лапах
В этот вечер заре догореть.

Окропить в беспорядочной пляске
Скаты окон клочками огня
И простить угасающей лаской

Тихий город и ель, и меня.
1927

Лыжник

Он восходит один, как полночное солнце
Вдалеке горизонт красноватую дымкой
покрыт.
Ветер бьет снеговыми волнами, и волн
цель –
Затопить потаенные тропы на гребне горы.

След слоистый, как дерево, на
подстывающем фирне,
Отмечает проход, параллельно ведущий
вперед.
На фуфайке дендритами кристаллизуется
иней
И втыкает за каждую бровь голубое перо.

Лыжи комкают снег, как предплечье прием
джиу-джитсу.
Мнется пухлая пленка, вздымается пена, и
вот,
Как рисунок ребенка, за ним вырастая,
ложится
Сумасшедшая ель острием к антиподам
его.

Наклонился уклон к вертикали
значительно круче.
Нависает карнизом, здесь нужен уже
альпинист!
Лыжник движется боком, он крабом
всползает по круче,
И дрожат от восторга широкие мышцы
спины.

Но восшедши, логично собой завершая
вершину,
Он охвачен желанием спуска, кристальный
покров
Деформировать хочет впервые движением
и на
Щеках его ложными солнцами светится
кровь.

Он, по склону летя, опирается грудью на
воздух,
И волна его следа вздымает шипящие волны снегов.
Синусоидой вычерчен след, и осыпали
белые звезды
Лыж змеистый ручей между хрупких его

берегов.

Ветер возле ноздрей его белыми вихрями
скручен,
Сухожилиями стали, натянута лыжная
снасть.

И взлетая навстречу, в отвесный провал
этой кручи,
Как лапландский сполох, пламенеет и
пляшет сосна.

1927

Солнечный день

Есть много радости в земном!
Мне день назвать хотелось — милый!
И ветер, что бежал за мной,
И ветки, что за мной склонились!

Он ярок был, как новый дом,
Где солнце плещет лужи окон.
Я полюбил его за то,
Что он, как свист, взлетел высоким,

Что поднял он с собой меня,
Что он принес в пригоршнях радость,
И так минуты разорял,
Как ветер буйство листопада.

Как хорошо себя нести!
И чтоб я это крепче понял,
Мне вечер ласково виски
Зажал в прохладные ладони.
1927

Ялта

Где лагуна, как губы, кругла,
Вязью белою Ялта легла.
Изумрудного стенкой бокала
Море пенят узорные скалы.

Сгорбясь, горы бредут под ударом лучей,
Облака повисают с зеленых плечей,
И, роняя клоки на мохнатую грудь,
Через горы на море хотят заглянуть.

В горизонта нефритовый край
Солнце тихо нырнет до утра.
И закроется веками гор
Синеглазый, прозрачный простор.

Ночь ударила в лунный серебряный щит

Ветер, острый, как грани кристалла,
звенит,
И в волнистую дрожь каплет спелая рожь,
Словно брошен в воде отшлифованный
нож.

Заглядевшись в зеркальный мерцающий
свет,

Город к вечеру свой совершал туалет.
Вот украсив улыбку кармином огней,
Он пустил по воде стаю огненных змей.

И сапфиром серьги моряка
Синь блеснула в ушах маяка.

Ночь интимна была, как подруги рука,
Что сжигает плечо через тонкий рукав,
И летучею ласкою щек
Чуть касался лица ветерок.

В переплески зрачков магазины глядят,
Ноги кости камней не устанут глотать.
А толпа, как опал дорогого вина,
В кубки улиц течет, торопясь наполнять.
1927

У моря

Вечер черный и жгучий, как кровь дикаря,
В губы моря продел огневое кольцо...
Город в море смотрелся кокетки лицом,
Что глазами блестит под лучом фонаря.

А в горячей толпе шелест взглядов и губ,
Шепот легкий материй, касанья теней,
Перекресты, сплетенья, удары огней,
И жонглирует блеском волнистая глубь.

И в горячей толпе горячее душе.
Мы бродили вдвоем среди радостных лиц,
Посреди яркоперых порхающих птиц,
Только радость была — нашим взглядам
мишень.

А потом повернули в душистую мглу,
Между стен из огромных шершавых
камней,

И спадали доверчиво брызги ко мне
На плечо, на лету раздробясь о скалу.

Напряженной дугой берег тихо лежал,
И ладонью скользила волна по песку,
Прижимаясь виском к золотому виску

Острове́рхих, че́шуйчатых, пени́стых скал.

Рассти́лалась шипя́щая бе́лая ша́ль —
На ме́рцающих призра́чных гра́нях во́ды
Пере́ливная пленка́ цве́тистой слю́ды
Ме́лкий гравий ша́гами мышино́ шуршал.

Золотые́ ступени́ роня́ла луна́.
Белогри́вые ко́ни бегу́щих гребне́й
Ди́ко ржали́ в по́гоне за зы́бью огне́й,
И хрусте́ла изло́мом сте́кла глуби́на.

Но́чь смотре́ла на зве́зды бездо́нностью
глаз,
Бе́г волны́ на ды́бы ста́вил дерзкий при́бой,
И из нас ка́ждый бы́л бело́грой волно́й,
Что на гравий ползла́ для одних то́лько
нас.

А пото́м мы влезали́ в круто́е окно́,
Где о ра́му че́сал зе́лень игл кипа́рис,
И смея́лся в ли́цо пере́ливчатый бри́з,
Исчеза́я, как сон, где-то там, за сте́ной.
1927

Отец

По кро́ви мы бы́ли южа́не,
Но се́вер воспи́тывал нас.
Мне бы́ли ко́сматые са́ни
Родне́й, чем кры́латый ба́ркас.

Но мо́ре забы́ться не мо́жет,
И ча́сто о́тец мой грусти́л.
На же́сткой обу́гленной ко́же
Он я́корь сини́й носи́л.

Запря́тал он да́внее горе́
В зе́леной е́ловой глу́ши,
Но я́корем сини́м мо́ре
Держало́сь за ко́рни ду́ши.

Я зна́л то́лько волны́ сугро́бов,
При́бой бело́грой пу́рги,
Но в сне́ге мы ви́дели оба́
Волны́ при́хотливый изги́б.

И бе́лыми пти́цами вью́га
Кру́жилась на лы́жном бе́гу,
Как ча́йки да́леко́го ю́га
Кру́жат на мо́рском бе́регу.
1927

Тро́пическая́ и тра́гическая́ исто́рия о лю́бви су́чка к обезья́не

В ключе́ Северя́нина

Э́то в Аф́рике бы́ло, где ле́са и са́ванны,
Где при́бой оке́ана зы́бью взды́бил пе́сок.
В ча́ше де́вственно́й ле́са, где сплетали́сь
лиа́ны,
Жи́ла обезья́на и ветви́лся су́чок.

Сре́ди шумно́го ста́да обезья́на ре́звилась,
Шаловли́во, беспече́но гры́зла фу́ркты и
вдруг...

Что-то о́строй занозо́й ей в се́рдце
вонзи́лось!
В э́тот ми́г обезья́на уви́дела су́к.

И гла́за зата́нуло ей то́мным желе́ньем,
Хвост у́пругий зави́лся в гра́циозно́е С.
Под ко́сматую шку́ркой жгуче́ билось
страда́нье,
Опро́тивели ли́стья, лиа́ны и ле́с.

Су́к изви́стый та́к же горе́л нетерпе́ньем,
Обезья́ну заме́тил он за гу́стою ли́ствой.
Обезья́на мо́хнатая! Ты моё упое́нье!
Ты моё восхи́щение! Ты моё бо́жество!

И пы́лая желе́ньем, и стре́мясь к
обла́данию́,
Обезья́на реши́лась на ге́ройский пры́жок!
Тре́петавши́ми ветка́ми, всю́ в не́жнейших
назва́ньях,
Подхва́тил её в во́здухе о́балдевший су́чок.

Но су́хие ко́нечности́ бы́ли су́харно
хру́пки!
Су́к не вы́держал сча́стья, сло́мался и —
тра́х!
Сплете́нной в объ́ятии, иди́ллическо́й
гру́ппкою
Их на зе́млю низри́нул мо́гучий разма́х.

О волне́нье се́рдечно́е и хру́пкость
су́ковья́!
Та́к прерва́лась тра́гически́ э́тих жи́зней
ме́жа!
И сугли́нки дре́мучие заба́гровели́ кро́вью!
То́лько хвост обезья́ний пре́дсмертно́
дро́жал!

И случи́лось то́ в Аф́рике, где лиа́ны с
ба́нанами́,

Поединок

Клинья клинков на лязг легли.
Кровью крутою — сердце облить!

Улыбка на губы, как солнце на шпагу,
Рука не колеблется на эфесе.
Бей по стали! Назад ни шагу!
Жизнь и счастье на лезвии взвесим.

Дзинь — на звоне звездой мерцает,
Лезвие льется остро, как боль!
Синь в глаза сияет такая,
Что позабудешь и лязг, и бой.

Не угрожать ворчаньем злобы!
Тяжёлый гнев клубком не ворочать.
Душа легка, как тонкий облик
Острого лезвия с гранью отточенной.

Но рейте, рвитесь, раня тело.
Клинка холодный изгиб ближе.
Рука опустится онемело,
Когда удар ее пронизает.

Солнце от стали прыгнет в искрах.
Жизнь уляжется в узком уколе.
Радугой радость в небе выстрой,
Где умирать - не все равно ли?
1927

Вечером

Эти мысли болью не уколют,
И в мечтах просторы не милуй.
Все равно мне молодую волю
Променять на женский поцелуй.

Пусть привяжет тихими глазами
И руки доверчивым кольцом.
Будет радость алыми часами
Надо мной клонить свое лицо.

Знаю, будет время и такое,
Как у этой пары впереди,

Письмо

Пульс волнение пробил.
Хрустнул в пальцах конверт.
Сердце по лестнице ребер
Торопливо взбежало наверх.

Буду в тихом голубом покое
Провожать мгновенья не один.

И когда приближенные лица
Сумрак в серый бархат уберет.
Хочется щекою прислониться
К белой шапке снега у ворот.
1927

Людмиле Громозовой

В этой жизни горячей и новой
Труд твой нужно и весело рос,
Но запенилась кровью багровой
Сталь крутых беспощадных колёс.

Ты ушла, не увидевшись с нами!
С алой грудой разорванных тел!
Но осталось ведущее знамя
Яркой жизни и радостных дел.

Я же знаю – не скажешь словами,
Да и в песне о том не споёшь, -
Долг громадный остался за нами
Сгладить смерти тяжелую ложь!

Гроб твой в камень и мрамор закован!
Все же память прочней, чем гранит!
Время - конь беспощадной подковой
По годам и векам прозвенит.

Перемелет могильные плиты
В угловатость бесформенных груд,
Но останется сталью отлитый,
Светлой жизнью законченный труд.

Нам нельзя растекаться слезливо,
Растравляя ночами глаза.
Сколько дела (и дело красиво!) –
Плуг отточен и ждет полоса.
1927

«Упал горизонт на глаза»

Взглянув тревожно на марку.
Он город на штампе нашел
И образ, начертанный марким
Памяти карандашом.

Сердце, от радости смейся!

Он даже качнулся назад.
На марке у красноармейца
Он увидел другие глаза.

Другие глаза и другое
Лицо, разговора напев.
Их в юности было трое,
И двое осталось теперь.

Напомнил прошедших свиданий год
Бумаги хрустящий изгиб.
И вот ожиданию дань его
Задергался мускул ноги.

Сердце упало обратно.
Как входят в холодный душ,
Он жестом руки аккуратным
Конверт разорвал на ходу.
1928

Ясень

На косматых ветвей каркасе
Просинь облака влипла в ясень.

Серы лопасти — листьев лапы,
Полумрак с них зеленый капал.

На лохмотьях коры корявой
Словно кто-то рассыпал гравий.

Плыли ветви по небу тихо,
Упираясь в лунный выход.

И луна в деревянной сети
Грустно ждет полуночный ветер,

Чтобы ясень качнулся гордо,
И она увидела город.
1928

На мосту

Здесь, над мостом, гудят провода.
Бьется в перила ветра удар.
Мокрым асфальтом плывет вода.
На мостовой никого не видать.

Тускло краснеет фонарь зари.
В свитке теченья плывут пузыри.
В черную воду был плеск зарыт.
Гладь эту ветер не разорит.

Ветер играет на мостовой.

Шляпу катает лапой кривой.
В шляпе записка — белее льда.
А остальное знает вода.
1928

Любовь собак

Люблю смотреть я на любовь собак,
Когда комком всклокоченным и шумным
Среди рычания, лая, визга драк
Бегут со взглядом желтым и безумным.

А в середине прыгает она,
И ей одной сегодня власть дана.

Плечо к плечу, вставала дыбом шерсть,
И каждый черный зев готов отверзть,
Чтоб мясо раздирая, задрожал
Из-под губы, сверкнув, клыка кинжал.

Вот грудь о грудь ударилась сильнее.
Скрест белых сразу вспыхнувших огней.
Рычания шар, тяжелый, как гроза,
Ударом алым будет угрожать.

Да и в борьбе объятья хороши!
Клыками хрупко горло придушить
И в кровь уткнуться жерлами ноздрей,
Забыв о боли, жалящей в бедре.

Храбрейшему, чьи зубы все в крови,
Она принадлежит — таков закон любви!

Она в толпе мелькает, словно уж.
Зажим боков ее бросает в дрожь, и
Лап самца стальная полукружь
Уже не раз касалась тонкой кожи.

Толчок плечом, один удар клыком,
Над оскорбителем сомкнут рычащий ком.
И кровь бросает в чувственный угар,
И за ударом следует удар.
Она же смотрит, сидя в стороне,
Как всхлипнет рваными губами рана.
Оранжев глаз, чужою болью пьяный...
Встает, и вновь самцы бегут за ней.

В безлюдном поле следует финал.
Она с избранником своим играет.
Лизнет, клыков ударом угрожает.
А он, стараясь хватку лап замкнуть,
Визжит, глотая клейкую слюну.
За тихим визгом чувственный сигнал.

Откинув хвост и вытянув тело,
Она ему отдастся онемело.

А круг собак, сомкнувшись плотно, ждет,
Когда она одним вполне насытятся,
К себе других, играя, позовет.
Дрожат росы серебряные нити.
1928

Охота самца

Пылает неоновым заревом вечер.
Распорот проспектами город на части.
Там хлещущий в стены поток человеческий
Спешит отыскать полуночное счастье.

И вот, одержимые неким либидо,
А может быть, просто наскучившим
домом,

Выходят на улицу всякого вида
Они, индивидуумы рода "Ното".

Зачесанной шерстью небрежно блистая,
Слегка различаясь оттенками моды,
Самцы собираются в тесные стаи,
Где светятся лозунги "Пиво и воды".

Их пестрые кепи одеты особо,
Включен полубокс в гарнитур из
"Оксфорда".

И жестах каждый играет особу,
А в жестах блатного сословия гордость.

Их самки гуляют тем временем мимо,
Прельщая движеньем округлого крупа.
Смеются, шумят, наблюдая за ними,
Приходят, уходят, скопляются в группы.

Звонят наивысшею мерой гитары,
Где местный Мадрид под воротами жакта.
И часто новелла сегодняшней пары
Кончается в тексте судебного акта.

.....
Один из самцов, залипая пластрон,
И пачкая галстук, подобный палитре,
За столиком под предпоследний фокстрот
Кончает с известным количеством литров.

А кончив, бросается в терпкую муть
Панели, и за этот вечер впервые,
Вплотную присоединяясь к нему,
Приходят атаксия и эйфория.

И первая путает жесты уже,
Вторая — тупое блаженство доверит.
Отброшена сдержанность, расторможен,
Инстинкт выползает, простой, как у зверя.

Пред ним проходящая самка, и вот
Ее представляет привычно он голой.
И ноздри дрожать начинают его
При виде первичного признака пола.

.....
Качая наполненным выменем бедер,
Она шевелилась у ждущего бока.
И некто ее, прижимая к себе,
Держался за талию хваткой глубокой.

И взглядам других, отдавая живот
И груди, шагала упруго и грубо...
И кожи, прозрачной, как липовый мед
Касались, скользя, волосатые губы.

На зубы ложилось карминной дырой
Дотла распаленное заревом тело,
И, тупая запаха мякоть и дрожь,
Желание в пальцах тряслось и кипело.

Хищником, прянувшем в жаркое мясо,
Предплечья чугунными брусьями взбывив,
Он двинулся весь в набегавшую массу
Чужого владельца желанной добычи.

В пустынном проулке, у черной реки,
Под кружевом света, идущим на убыль,
Сходились самцы, обнажая клыки
Словами, терзавшими на клочья губы.

И в желтый, фонарный, отчетливый круг,
Зажатый квадратным молчаньем проулка,
Нырнули ножи, продолжая игру
Ударов, печатавших влажную гулкость.

Засохла слюна в перекошенном рту,
Струнами зубы сквозь ветер свистали...
И сыпалась косо холодная ртуть
На синие перья порхающей стали.

Звенели клинки про мужские дела,
Сходились, рыча, голубыми клыками,
Пока под подошвой, гримасу беля,
Шершавою жабой не выскочил камень.

И стала ему мостовая близка.

Червонным тузом крыт проигранный
роббер!
В груди улыбается красный оскал
Зубами, прорезом начищенных ребер.

А самка, ступая неровно ногой,
Уходит, рыдая, но скоро забудет.
И завтра, наверно, такой же другой
Сожмет и укусит обвисшие груди.
1928

Кошачий месяц

Как только ручьевою дрожью
Проступит узорная сырость,
Спрессуются по придорожью
Снега залежавшимся сыром.

И в облачной тающей смеси,
Стараясь созвездий не трогать,
Ощерит вонзившийся месяц
Кошачий изогнутый коготь.

А там, где тягуче-латунный
Блеск стекол мансардою скошен,
Проглянут зеленые луны
Глазами разъяренных кошек.

На ребра шершавые кровель,
На желоб, исполненный жалоб,
Прольется пыланье крови,
Желаний заострится жало.

За ласку мохнатых касаний,
За когти, грызущие кожу,
Оскалившись, челюсть косая
Горячие зубы покажет.

Уходит звучание песен
За джунгли кирпичных растений,
И шкурок сплетается плесень
На лунной арене ристаний.

В пещерах чердачных во мраке
Блуждают зеленые фары.
Как для отвратительной драки
Встречаются злобные пары.

Их пасть искажается тиком,
И с дрожью любви оголтелой
Их когти вонзаются дико
В желанное близкое тело.

А днем сквозь тепло и усталость
Им снятся мученья оргазма,
Клыков голубые кристаллы
И в ранах застывшая плазма.
1928

Прыжок

На горе догорят вечера
Багряны, как грудь снегиря,
И ветрам влажный зев ощерять
Утрами с горой говоря.

Здесь разинута белая пасть,
И в нее не сойдешь, не сбежишь!
В эту пасть мне сегодня упасть
С темноперыми крыльями лыж.

Под уклон пара шелковых лент
Белее собачьих клыков.
Заскользить, изменяя крен,
Как поплыть и свежо, и легко.

Упал горизонт на глаза.
Ель навстречу спешит влезать.
Только руки откинуть назад
И на лыжи полет нанизать.

На трамплине гуденье и свист.
На трамплине движенье — и вниз!
Вырвешь взмах из свинца земли,
Светлой влагой глаза пылит.

Так стрижи сквозь воздушный массив,
Серповидные крылья скосив,
Свиристыя распростертым крестом,
Прорезая версту за верстой.

Прыгнет скат, поплывет на грудь,
Снег отбросит полос игру,
И встряхнет до конца волос,
Это значит - все удалось.

Все ли, нет ли — держи прямей,
Не закончен еще пример,
Не потух провизжавший взрез,
И нога стоит на ребре.

Но в прямой и сухой резьбе
Понемногу затих разбег.
Не шуршит у ноги метель.
Не метнется навстречу тень.

Это надо? А может, нет?
Но люблю я полета след!
И движение черных лыж,
На которых скользишь, летишь!
1928

В монастырской церкви

Тенью вчерчены арок гиперболы.
В стеклах сеток железная графика.
Монастырская церковь теперь была
Вся в загаре оранжевой Африки.

Где вздыханья кадилльные ахали,
Ладан кольцами капал синими.
Солнце, прыгнув на пол черепаховый,
Раскатилось везде апельсинами.

И когда прозвучит час назначенный,
Зазвенев не на солнечном гонге ли?
Золотистую пылью взлохмачены
Шевельнутся угрюмые ангелы.

Вспоминают, как облик висел ночной.
Щурит иски пронзительно-узкие
На тела, обнаженные солнечно,
На гудящие медные мускулы.

Где карнизы священными книгами,
Где колонны стоят архиереями,
Смуглокожие девушки прыгали,
На трапециях юноши реяли!

Повороты змеят интегралами,
Их движенья точней, чем у циркуля...
Так же, может быть, в детстве играли мы
Или видим все это не в цирке ли?

Блещут спин ограненные плоскости.
Извивается гибкое золото.
Здесь сейчас состязаются в ловкости,
Здесь сейчас соревнуется молодость.

Ночь приходит под стрельчатым трауром,
А за ней тишина, словно тень ее,
Колыхая поблекшей аурой,
Потухают и меркнут видения.

Гаснут лики и руки с прожилью,
Вспоминая движенья резкие,
И грустят, что они столько прожили,
Что они на стене только фрескою.
1928

«Под ним ломались параллели»

Состязание

Собой и сегодняшним утром гордись!
Вращается солнце, как брошенный диск.
Горячие струи теплее, чем кровь,
Текут по плечам сквозь загара покров.

Но к солнцу бегут, уменьшая накал,
Стартуя от листьев и крыш, облака.
И бьется, сжимаясь в кровавый кулак,
Под самое небо взлетающий флаг.

Он то расщепляется на два куска,
С шипеньем, вибрируя в ритме броска,
То, в воздух ударив, стоит, как фонтан,
Сбегаая внезапной нарезкой винта.

А вышка стоит на струистой воде
Сквозь ветер и утро, трамплины воздев.

Байдарки и лодки висят на волне,
Скамейки забиты толпою вполне,
Под радугой гама колыхается круг.
И вот он идет, начиная игру.

Для первого первых и первый прыжок.
Уже опускается красный флажок,
По телу проходит призывная дрожь,
Волнуется кожа, как спелая рожь.

Он бедра раскачивает на бегу,
Трамплин под ногами возводится в куб.
Сквозь грудь его руки проходят, как ось,
Еще поворот, он спускается вкось
И в воду вонзает себя, как клинок.
Слова не нужны тут, он сделал, что мог.
1929

Раунд

Блестящие плечи качая слегка,
На лицах троится и бьется рука.
Ломаются члены скольльзящим зигзагом,
Калечатся жесты, колыхается бой,
А тело играет и пляшет с собой,
Взбухает под кожей прозрачной, как саго.

Здесь первый над рингом бесплотно парит,

Себя поднимая на крыльях пари.
Везде овеваем своим многоручьем,
Он спину возносит все круче и круче,
А шея, подняв волосатый букет,
Играет его головой в бильбоке.

Спокоен, как маг, и велик, как жонглер,
Он руки рассыпал вокруг на ковер,
Свивает чугунные бусы перчаток,
Под кожей колеблет мениски лопаток,
И в контуре слабом, как высохший след,
При вдохе на нем проступает скелет.

Другой же уходит в ковер по колено.
Он капает мускулами на платформу,
Он зубы сгрызает свои вместо корму,
И зубы клубятся застывшею пеной.
Его голова, как оббитый початок,

В нем крутятся черные круги перчаток,
А ноздри, зеленые губы прорыв,
Выходят наружу — две красных норы.
И в желтых парных зеркалах его кожи
Вращается свет, отразиться не может,
Сбегая по плоскостям вязкой слюной.

Конец наступает, второй на низу.
Кровавое солнце восходит в глазу,
Лицо закруглилось добавочным носом,
На грудь ниспадают багровые косы,
Сквозь легкие, сердце, замедлив полет,
На ветке аорты трясется, как плод.

Уже победитель сияет лимоном.
Он ангелом ходит перед побежденным,
Но тот воскресает, победу зовет,
Вот грудь у него проседает в живот,
И первый, скользя, переломанной тростью,
Трепещет и виснет на пляшущем тресе.

Стоит побежденный неведомо как,
В глазах его движутся млечные круги,
А зрители стонут, сведенные в дуги,
И лоснясь, судья поднимает кулак.

В движенье безвольном и очень простом
Лежит победитель, распластан крестом.
1929

Другу

Сегодня скрестились дороги,
А завтра уйдем сгоряча...

Как веток упругая прогибь,
Качнется плечо от плеча.

И с птичьим большим перелетом,
Прорезав сквозь зелень весну,
Уйдешь, а придешь перелитым,
Себя на пути расплеснув!

Не свыкнешься скоро и сразу,
Закон — он и прост и суров.
И нужно за каждую розу
Платить поцелуем шипов.

И все же не место досаде,
Причина ясна и веска:
Мы так же когда-нибудь сядем
Как прежде - висок у виска!
1929

Ленинградский март

Платите за март и за молодость вашу
Упругой походкой по пляшущим плитам,
По плитам, обильною ночью политым,
По бликам, что в камне блистают и
пляшут.

Платите часами, платите мечтами
За черное время аллей и бульваров.
Где бьются авто световыми мечами,
Где прячется ветер, угрюм и коварен.

И не ожидают, и не вспоминают
Вас томные тени страниц романсеро,
Но полночь другая и память иная
Глаза вам окутают влажностью серой.

Зачем же мечтать о гитаре гитаны,
А может быть, просто о девушке в белом,
Когда Вам даны для ходьбы неустанной
Туманная ночь и подвижное тело.

Идите туда, где янтарной подковой
Ступает фонарь на торцовые соты.
Где сумрак таится и строит вам ковы.
Где окна мелькают: десятое, сотое...

Идите в туман оседающих арок,
Вдоль ниш и пилястров, где улицы косы.
Встречайте за выступом тихие пары
И звезд полуночных зелёную осыпь.

Роняйте шаги по пустынным проулкам.

Вгоняйте каблук между шатких ступеней,
Пока не устанет веселая гулкость
Подошв, и движения станут степенней.

И вспомните только у вашего входа:
Что ночи такие встречаются в марте,
Такие дороги не сыщешь на карте,
И все запишите в параграф прихода.
1929

Гулянье

В ключе «Столбцов»

Оно идет посередине,
Немного сужено к началу.
За ним толпа, его качая,
Она его опередила
И окружила ореолом.

Но вырез был простым и голым,
Желтил немного переспелым,
Торчал, как нож на фоне ночи,
Геометричен был и точен
В своем движении ярко-белом.

Под ним ломались параллели,
Сгибая вниз граненый угол.
Они, блестя глазами пугал,
Тихонько шли себе и пели.

Над всем воздушный шар болтался,
Притягивался вдруг за галстук,
То поворачивался вправо,
То поворачивался влево.
Ему глаза кричали: bravo!

Вокруг него сновали девы,
В глазах тенями ковыряя,
И обещали счастье рая.
Земля кишела под ногами.

У каблуков кружился сектор,
Он двигался в стеклянной гамме.
Кричало дерево, как лектор.
Оно стояло на витрине
Под фонарем посередине.

А все под синим абажуром
Роняло желтые овалы,
Ботинки острые совало
В песок, посыпанный ажуром.

Уж он становится настойчив.

Ломает руку на три части,
На нем штаны дрожат от страсти!
Потом себя немного скорчив,
Сгибает голову в поклоне.
Она мила, как на иконе.

И вот он деву увлекает,
И с ним уходит молодая!
Скамейки двигались, как падаль,
Вращая тени, словно спицы.

Взад и вперед толкнутся лица.
Свет возникал и снова падал.
Свет возникал и падал вправо,
Он поворачивался влево.
Опять кругом скользили девы,
И вся толпа кричала: "Браво!"

В проходах было очень тихо,
И ночь надета, как перчатка.
Телодвижением зачатка
Там возникало сбоку лихо!

Аллея скачет, как кривая.
Она толстеет, возле ширясь.
И в груди входит белый вырез,
И там дрожит, и застревает.
1929

Последний романтик

Здесь город в проказе и камень в экземе
Под снятым платком отсыревшей зимы.
Сегодня, быть может, последний экзамен
Мне нужно держать за года и за миг.

И взглядом, как лбом, упираясь в
простенок,
Я вижу сквозь стекло слепой негатив:
Худые тела, что от ветра остынут,
Белесый отсвет городской наготы.

И пусть сквозь меха и пуха пелеринок,
Сквозь звездную шерсть соболей и куниц
Мерцают кармин и румян переливы,
Мерцает расплата, мерцает конец!

Конец, но не тем, кто оранжевый ноготь
Растит, как китаец — на дюймы, на фут.
Конец — это нам, тем, которых немного,
Которых запишут в пустую графу.

Последний романтик! Печальная шутка!

Последняя шутка, плохая игра!
То гибнет герой - не газетная утка,
Но это как финиш, как росчерк пера.

Героев не надо! Забудьте про эту
Прощальную шутку эпохи, их роль
Уже отыграли, спираль спирохеты
Под бледною кожей носит герой.

Он немочь свою охраняет и нежит.
Его астенический профиль в кино.
Больной и гнилой, как болотная нежить,

Влачится давно по дороге иной.

А вам остается судьба рядовая.
И вашим сердцам на ноже не звенеть!
Напевы свои, на кило продавая,
В мечтах вспоминать и кинжал и свинец.
От вас вместо платы за выбор патента
Герои потребуют песен о том,
Как им увеличить оргазм импотента,
А бледную самку - закутать в манто!
1929

«Я суставы схлестнул на гортани часов»

Земляничное лето

За фригийский колпак земляничного лета,
Перелетные трели карминовых крыл,
Отдаются вокруг перекрестным дуплетам
И зрачков, и шагов. Не кончая игры,

Может быть, с перелесками, может быть, с
детством,

У пруда, где аквариум рыб и камней,
Задержаться, поспешно душою раздеться
И вернуться обратно свежей и умней.

Освеженное тело, но дух освежеван!
Это мудрость Эзопа? Гротеск или стиль?
Звонко хлюпает мясо под зубом ножовым,
Так проси о пощаде иль просто прости.

О, истома купанья! В глуши аппендикса
Хирургический червь, он болезнью обвит.
Уравнение решается с помощью икса.
То секреты желез, а быть может — любви?

Пусть же тают часы на губах земляникой.
Обсыхает вода на спине, на глазах.
До подкожной клетчатки, до синего тика
Испаряется память. Но после и за –

Эту Дрожь до костей, этот вымытый череп,
Этот вакуум мысли раскроется так:
Лето в виттовой пляске забьется и через
Гильотину окончит фригийский колпак!
1930

Разговор

Тихо ходит рука перед черным порталом
По холодным ступеням этюдов и гамм,
Звук качнется, повиснет, то талым, то

алым

Опускается вниз, прижимаясь к ногам.

- Может быть, не доказано? Примем на
время.

Посмотрите: вот это сегодняшний час!

- Где же марка? - На крышке, Вы видите:
«Бремен».

- Нет, не это! Где марка "сегодня" на Вас?

- Ах, на мне? Я отправлен в дорогу без
марки.

Может быть, не приду, но иду доплатным.
- Кто же будет платить? - Это после...

насмарку
И подобный вопрос, и меня вместе с ним!

- Что ж Вам нужно? Романтику, теплое
тело,

Или бури снегов, саги южных морей?

Ах, оставьте... не то..., - Так, чтоб это
отпелось

И в спокойных страницах могло умереть?

Так проделывал Лондон и кончил... — Да,
кончил,

Но себя, а не книгу. Так вот Вы куда?

Что ж, кончайте, и к жизни идите на
кончик!

Умирайте! Вот так умирал декаданс!

Хлещут блики дождем по тисненой эмали
Медальонного лица бетховенских глаз.

Утомленные тени свились и сломались.

На холодных ступенях рука улеглась

1930

* * *

В ключе Фрейда

Фригидности мая не верьте! На карте
И ставка, и путь не на страх, а на совесть.
И только когда задрожит перикардий,
Он скажется вам в повелительном зоне.

Он скажется вам и в неравности партий,
В инстинкте нарцизма, едва позабытом.
Во время, от пары ребенка до старта,
Вас вызовут к бегу весенней заботой.

Но выдержкой спирта намеченный градус,
Уже превзойденный активностью спорта,
Укажет дорогу и время на радость,
Награду и руку на гарду и кортик.

Весенняя песня, как пена, на губы!
И тело, как нота, на данный период.
Рукой, отлученной от губ, он погубит
И время, и радость. От этой поры до

Кинжального блеска, кулачного боя,
Зеленая нежность весеннего тела
Лучится. Но снова попросит отбоя
И тихая гордость, и то, что отпелось.

От вызова мая, от визы на пенье
Не ускользнет и не спрячется память.
И то, что случилось, послужит ступенью
К дороге, еще не измятой стопами.
1930

Подберезье

Это договор ветра с ветвями о том,
Чтобы вить и свисать, чтобы вить и
свистать.

Навивая лазурь на прозрачный уток,
Сквозь челнок облаков, пропуская потом
Этот плед, им взмахнуть, задержаться и
встать,
Как шотландец, качая под тканью бедром.

Но за натиск ковбоя - резнувший аркан,
Отгибающий ветку, как горло курка,
Солнце с теплою лаской на плечи берет
Обнаженные нежные руки берез.

От наплыва на пленке летящих небес
Замедляется грач, он сгущает цвета.
Смысл полета, украшенный гаммой цитат,

Романтичен. Но снова в стремленье и без

Остановки, играя бравадой глассад,
Выражая движение в кадрах кино,
Опаленный полет опускается в сад.
Там, у чаши гнезда, превращаясь в канон.
1930

На дороге луны

Л. Б.

След уже начинает дрожать под ногой,
Потревожен виденьем идущих утрат.
И античную мускулатурой снегов
Выступают на склонах оврагов ветра.

Пусть рельефам путей от тепла полинять,
Их прошли до конца, и они не нужны.
Полукружием бицепса всходит луна
И трепещет на тонких костях тишины.

И, как стрелка стремится к полярной
звезде,

Тяжесть падает камнем до самого дна.
От весны до весны и теперь, и везде
Для желаний моих дорогая одна.

Под мурлыканье сумерек тени плетет,
Прижимаясь к ногам, одичавший уют.
Одинокая ночь подползает, кладет
На плечо мне безглазую морду свою.

Я суставы схлестнул на гортани часов!
Обнаженный язык захрипевшего дня,
Обвисая слюной, заходя за висок,
Распухающим мясом упал на меня.

По ключицам стекала холодная прель,
Но гримаса молчанья уже не таит,
Что в коричневых деснах проталин стоит,
Беспощадной улыбкой, играя апрель.

Он сказал мне: запомни, на кисти твоей
Зарисована плоти ее теплота,
Та, что ждет и желает сжимать и сплетать,
Как сплетается ветер с травой полей.

По весенним путям провожай и веди,
По хрустящим и тонким костям тишины.
Проступает загар сквозь кристаллы воды,
Дорогая одна на дороге луны.
1931

*пути мужчины к женщине». (Притчи
Соломона)*

Так спокоен сон о тебе, и я, успокоенный
им, забыл,
Что душа твоя и душа моя, как клинки,
сходились,
И боль была - нашей встречи простая
быль.

Так спокойно имя твое, теперь я могу не
помнить уже,
Что врагом на твоей тропе я ждал, голова
кружилась
И взгляд тупел, ломались голос и жест.

Я встречал любовь не раз и не два и
касался ее плечом.
Заложивши руку в карман, свистел –
зачем?
Если светит солнце, шумит листва, эта
встреча мне нипочем!

Но любовь терпеливой была - шалишь, не
уйдешь, быть тебе на ремне
Под собачий лай и под шорох лыж –
незнакомка пришла ко мне.

Я увидел ее и сказал: "Ого! Для меня она
хороша!
Мне не надо другой, такой дорогой может
быть лишь своя душа".

И вложив свои руки в руки ее, бросил
судьбу на весы!
А она обнажила в ответ острие и сказала –
пощады проси!

Я принял бой и радость, и боль, не зная,
что это любовь.
Если б знал, то за нею с грозой и борьбой
пошел бы дорогой любой.

Но дорога ее не была моей и моим путем.
Дорогой орлов, кораблей и змей был мой
путь, как я понял потом.

Я взял обратно нежность свою и швырнул
ее псу под хвост.
Смерть сидела со мной на одном краю, на
другом были жизнь и рост.

Я выбрал жизнь, я выбрал рост,
таинственный рост души.
У болезни бывает подобный рост, меня он
опустошил.

И боль прошла, как проходит все,
проходит и сама жизнь.
Но кость, переломанная колесом,
срастаясь, все же мозжит.

Теперь я могу опять свистеть, руку в
карман заложив.

Качая плечом, говорить любви: нипочем,
Дорогая, шалишь, превосходная жизнь,
если солнце играет лучом!

1939

* * *

Вкус ваших губ я забыть никогда не смогу!
Снега была пелена под ногами бела.
След наш терялся в мохнатом летящем
снегу,

Лица укрыла вечерняя тихая мгла.

Вам говорил я, что желтые реки огня
Летом текут у прохладной бегущей воды.
Но золотее блистанья июльского дня
Вечер и ветер, и снега мерцающий дым.

Вам говорил я: не нужно касаться крыла
Бабочки, пестрая пена на пальцах умрет!
Голым и жестким, как тусклый осколок
стекла,
Брошенный в воду, ее захромает полет.

Как я ошибся! И вас отстранил от себя,
Мысля сберечь ту жемчужную, светлую
пыль
Юности вашей, ее просветленность любя,
Острое чувство моё я тогда притупил.

Как я ошибся! Нельзя и не нужно беречь
То, что для жизни, для траты, что была или
боль!

Высказать нужно порой не созревшую
речь,
Трогать и брать, отдавая ценою любой!

Странное слово «любовь» я с тех пор
берегу.
В тайной надежде на встречу и жду, и

живу.
Может быть, вспыхнет оно, как костер на
ночном берегу,
Но вкус ваших губ я забыть никогда не
смогу...

1939

* * *

Н. Б.

Голубою дорогой следов черноносые
лыжи идут
Между медных стволов под мороза
серебряный звон.
Снег, тяжелый и пышный, свисает над
нами вот тут,
Где застывших колючих ветвей прорезной
потолок закривлен.

Синий инея мех и мерцание Ваших
ресниц,
Тонкий контур щеки, увлажняемый алым
дождем
Накось бьющих лучей, и, как счастье, как
детские сны,
Это было прекрасно. Так радости взлет
был рожден

Этой точкой во времени, и моего бытия
Он насытил тоску: по стремлению в даль,
по верхушкам ветвей,
Уходящим в зеленое небо, где ветра струя,
Чуть заметно струясь, протекает пернатой
трассой своей,

Как аккорд, расплескавший зеркальную
клавишей гладь,
Вспенив точным движением белую воду
снегов,
Вы скользнули на склон, огранивши
вершину угла
Вас и плоскости этой, доселе пустой и
нагой.

Серебряную шишку, лоя полукружьями
радостных губ,
Как двуногая белка, дыша человеческим,
чудесным теплом
И здоровьем, и силой на хрупком
визжащем от стужи снегу,
Вы стояли, упругий бамбук опирая о
склон.

И была Ваша четкой и истинной так
красота,
Как законченный образ, добытая цель,
завершенная мысль,
Как движение лыж, как воды оперенный
кристалл,
И как жизни моей на сегодня оправданный
смысл.

1942

* * *

Остатки солнца в листьях ясеня.
Хладный воздух пахнет мятою.
Бледнеет небо в ясной просини,
Вечерней влагою промытое.

И полнотой неторопливою
До края "Я" сознание налито.
И так же тихо в небе плавают,
Парят воды крылатой вылеты.

Но все быстрее стремление времени.
Конец естественен и близок нам.
Весна ложится древним бременем
На чувства, сны и на карниз окна.

Найду ль тебя, мою далекую
И незнакомую, ножданную?
Пока не стал еще калекою,
Пока глаза до жизни жадные.

Не в голубом тумане сумерек,
На солнце радостном и яростном,
Пусть в темпе циркового номера
Расти тебе со мной, как я расту.

На парашюте сложноцветного
Летит куда-то шестиногое.
Моя любовь к тебе ответна ли?
И где то дорогое, многое,

Что жизнью дано на растрату нам,
На труд, на радость, на страдание.
Что в каждой точке мига спрятано.
Простое, потому и данное!

Так вот где жизнь! Она в синхронности
Существований наших двойственных.
Того прошедшего сохранности,
Что было раньше счастьем свойственно.

Что еще будет счастьем свойственно,

И будет нажито и прожито,
Пока не станет ясно, что вино
Из наших гроздей уже выжато.
1943

Олень – золотые рога

Голубая вода в золотых берегах!
Дорогие года, что ушли навсегда!
Там гуляет олень - золотые рога,
И в шелках семицветных сияют луга,
Где еще не прошла человечья нога.

Он пасется на склонах, где дали ясны.
Под копытом звенит голубая вода.
Там багряные листья не нашей весны,
Ключевая роса да иголки сосны,
Дуновение тихого теплого сна.

У него изумрудное пламя в глазах.
И на красные камни ногой вороной
Приступая, гребнистой, отвесной стеной
Он восходит хрустальные скалы лизать
На вершину, где звезды мерцают и за
Облаками играют с огромной луной.

Пусть махнет своей грязною лапой война,
Но еще остается одна сторона,
Где гуляет олень - золотые рога,
И дорога его для души дорога,
Как мерцающая, в переливных кругах,
Голубая вода в золотых берегах.

Так на лыжах скользи в бело-звездную
даль.

Пусть шипит и струится до пояса снег,

Как прибор, и ажурный убор на сосне
Опадет на тебя, чтобы ты увидал
Золотые рога за кустом, в полусне,
Полумгле, полуяви, ясней и ясней...

Или в светлую зыбь погрузясь до волос,
Гибкой медью руки, что над влагой
взвилась,
Рассекая сплетенье прохладных полос,
Увидать сквозь теченье тебе привелось
Золотые рога в переливной волне.

Пусть душа пролетает сквозь черный
портал
Под гремющий распев громкозубого рта,
Где свистит и блистает, как Лист, соловей,
И вдоль клавиш сбегает на лыжах
Сольвейг
В ту страну, где растет светоносный
кристалл

И хранят неустанно, как верная сталь,
Золотые рога - дорогие места.

Так прославим же милую страшную
жизнь!

Где в одно перевиты и радость, и боль,
Где желанья прячут, как шпагу в ножны,
А касанья судьбы тяжелы и нежны.
Заплати, не считаясь любой ценой,
За честь бытия. И удар лобовой
Получив, вспоминай, уходя в никуда:
Золотые рога — дорогие года...
1942

«Я опять бинтую душу сном»

Новогодняя застольная

Как прежде вечерние тени
Дробятся о тонкие грани
Стекла.

Пред каждым в стакане
Прозрачная влага видна.

Кончаются черные годы,
Все ближе и радость, и отдых,
Тяжелая чаша невзгоды
Допита до самого дна!

Поднимем же легкое бремя
Стаканов!

За светлое время!
Зато, чтобы встретиться с теми,
Кто делает дело войны!

За руку, пожавшую руку,
Плечо, помогавшее другу,
Улыбку, что красит разлуку,
За слово, что стало родным!

И связаны дружбою нашей
Над каждой поднявшейся чашей,
Как кровь побратимства, кипящей,
Воскликнем, друзья, навсегда:

Осенняя весна

Л. Л.

Осенью расцветшая любовь
Отцвела наставшею весной!
Боль мою зажали, как лубок,
Эти дни работою и сном.

Знаю, осень зрелости моей
Осенью была тебе нужна.
Стала той весной тебе нужней
Юность, что, как ты еще, нежна.

И опять пуста, пуста, пуста
Выболевшая до дна душа,
И увядшей осени под стать
Та весна. Хотя и хороша,

Как обычно, теплая трава,
Ветви в расцветающем снегу...
Только нет тебя, и забывать
Не хочу об этом, не могу!

И шуршит опавшею листвою
Молодая зелень у ноги...
Снова помню смех и голос твой,
И глаза, и губы, и шаги.

Я опять бинтую душу сном,
Зная: все равно мне не уснуть.
Если осень для меня весной,
Где же мне найти свою весну!
1946

Где же ты?

Л. Л.

Я у дверей твоей души
Стою с протянутой рукой.
И, не просивший никогда,
Прошу открыть, хотя на миг!

Хотел бы я тебе внушить,
Что боль перемешав с тоской,
Часы проходят, как года,
И не уйти от этих мук!

Была душе моей сестра,
Была ты друг руке моей,
Была любовь моей любви,
Так где же ты? Так где же ты?

Пойми, как боль моя остра!
Теперь – когда мы не вдвоем.

Где знак любви твоей ловить?
Так где же, где же, где же ты?
1946

* * *

Л. Л.

Как слепые щенята наши души ищут одна
другую!
Где же гордость твоя, высокий
человеческий разум?
Если я даже самую для меня дорогую
И близкую, и любимую не могу понять
сразу.

Если Я мое так раздельно, так одиноко!
Только пальцы мои касаются твоей кожи.
Я хотел бы проникнуть в тебя, одинаковым
Быть с тобою совсем, но никто не скажет,

Как это можно - что другая - это ты и даже
больше!

Как это можно - быть двумя и быть
единым!

Безуспешно томленье духа, по неточным
данным

След любви мы находим и странно столь
же:

Мы такие разные, а все же близки,
Мы такие сложные, а вместе нам просто!
Так клянусь тебе чудом твоей ласки
Быть всегда для тебя, как дом твой, как
пристань!

В небольшое оконце глаза всю тебя тут я
вижу.

Вот смеешься ты, телом близко, а душой
далеко.

Может быть, так и должно или это не
важно...

Только то важно, что пока ты близко!

Порой ты несешь себя, как чашу, до краев
полную счастьем!

Легким облачком нимба оно висит над
тобою.

Неужели это я причина? Я горд этим и так
же счастлив,

Твоим солнцем согретый, тобою любуюсь.
1946

Баллада об ослах

*"Мы принадлежим к числу тех людей,
которые платят втридорога за дубину,
которой их убивают, и при этом еще
дают себя обжугить на стоимость своей
могилы"
Б.Брехт*

На бойню идут миллионы ослов!
В осеннюю грязь погружают копыта,
В глубоком снегу утопают копыта,
В весенней воде омывают копыта,
И летняя пыль покрывает копыта.
И так, увлекаемы магией слов,
На бойню идут миллионы ослов,
И ночью, и днем громяют копыта!

Ушли световые года в никуда,
Из трупов бактерий рождалась руда.
Небольшое существо брало несколько
молекул
И копилось вещество до рожденья
человека.
Будучи совсем простым и не хвастаясь
породой
Существо дышало им так, как дышат
кислородом.

Повстречавши электрон, этим, стало быть,
полезен,
Остановленный, ион оседал на дно
железом.

Нарождались племена, вскоре палки стало
мало.
Эволюция — она довела и до металла.
Пушки делали, штыки, динамит и
аммонал.

За занятием таким мира на земле не стало.
Вот опять кричат — убьем! Правы мы, и
нам победа!
Атомным уже дубьем расправляются с
соседом.

Сотрясаем станок равномерным гуденьем
мотора
И нагретая стружка ползет из-под жала
резца.
Здесь готовят несложный предмет из
металла, которым
Чью-то личную жизнь доведут до простого
конца.

Как известно, осел запасается этим
предметом,
Легкий пшик - и кишки, на осине качаясь,
висят
От другого осла. И о факте свершившемся
этом
Миллионы ослов рассуждают и ночи не
спят.

Но приходит подлец! Слово ловкое
скажет, и стадо,
Задирая хвосты, обезумев, летит на убой.
И хохочут тогда подлецы, этой глупости
рады.
А ослы о глупейшем осле говорят: - Он
герой!

И герои без ног и хвостов эту жизнь
проклинаяют,
Костылями стучат в коридорах
больничных палат.
Негодуют и плачут: - Опять нам еды не
хватает!
Но потом привыкают и снова из пушек
палат.

И так, увлекаемы магией слов,
На бойню идут миллионы ослов!
Пусть дети убиты и тело разбито —
И ночью и днем громяют копыта.
1947

На велосипеде

Бегущих спиц проворны ноги
В упругом круге колеса.
Шурша, струится на дороге,
Пыля попутно, полоса.

Ракетка ветра режет с лёта
Бросок пернатого мяча.
Пикируя, как самолеты,
Стрижи проносятся крича.

Гарантией чудесных странствий
Металл в руке твоей зажат.
И руль, свистя, летит в пространство
Косыми крыльями стрижа.

С глубоким небом хочет слиться
Вершин полетом светлый лес.
И солнца золотые спицы,
Вращаясь, сеют легкий блеск.

И мы тогда летели рядом
За нашим счастьем... далеко...
Даримы радостным нарядом
Вечерних алых облаков.

Когда порхающее пламя
Осыпалось на гладь реки,
Осталось связью между нами
Тепло твоей родной руки.

И пусть тебе сегодня снится
Колес сверкающий полет,
И жизнь, летящая, как птица,
Или, вернее, самолет.
1947

Улыбка

В. С.

Золотистой, танцующей, солнечной пылью
волос

Окружены, стояли под тусклым,
мерцающим светом
Вы в тот вечер ненастный и темный, когда
привелось
Мне увидеть Вас близко в заброшенном
домике этом.

Так же вот улыбалась, как Вы, под аркадой
двора
Флорентийка художнику. Пять
пролетевших столетий
Той улыбки не стерли. И, как чинквеченто
пора,
Облик Ваш, озаренный улыбкою этой, и
сложен и светел.

Не хочу Вам солгать! Джокондой нельзя
Вас назвать!
Знаю, чувство мое — вот условие этой
ошибки.
Но закрою глаза, и закрытыми вижу опять

«Свой бег кончают наши волны»

Пожелание

В. С.

*"Сестры - тяжесть и нежность".
О. Мандельштам*

Легкость, стройность и нежность - вот
ваши приметы!

Леонардо шедевр, заповедную Вашу
улыбку.

Кто же Вы? Только время мне даст
разрешить
Эту странную двойственность, или же
случай короткий.
Но в преддверие Вашей, еще незнакомой,
души
Я вступаю в надежде чудесной и сложной
находки.

Вера - имени Вашего смысл. В эру
атомных битв
Моны Лизы улыбка - дешевле полета
снаряда!
Но все ж таки верю, что можно и нынче
любить
Красоты, как живой, так и мертвой,
бессмертную радость!

Сонет

В. С.

Улыбку эту, с лишком пять веков
Назад, нанес на вечность полотна
Чудесный гений. Роем пустяков
Она была с тех нор окружена.

Но, как не скроешь редкостный алмаз,
Так толкований целые тома
Не скроют грудью бумажных масс
Сокровищницу сердца и ума.

Не знаю я Вам подлинной цены,
Но, как близнец, улыбка Ваша с той.
И обаяньем Вы окружены,
И, как и та улыбка - красотой!

Но Ваш удел по-прежнему таков:
Быть окруженной роем пустяков.
1947

Тонколистая хрупкость и свежесть
цветенья,
Это также все ваше. Пока не примята
Зелень вашей весны, и осеннюю тенью

Не коснулось вас время, и тяжестью
будней

Не опущены плечи, высокое счастье
Устремленья того, что полета свободней
Пожелаю вам в жизни. Пусть участи
частью

Станет вашей оно. Если сносится тело –
Не жалеите! И юности блекнувшей краски –
Не жалеите! Того, что легко облетело –
Не жалеите! То только сменяются маски!

И цветения светлое пламя — заменит
Созреванья тяжелая пышная радость!
Все равно неизбежно настанет, не минет
Золотая, осенняя эта награда.

И в урочное время, не поздно, не рано,
Все равно, даже самую летнюю негодь –
Заскорузлые стебли сухого бурьяна
Озарит серебро налетевшего снега.

Знаю мудрость пловца – пребывать
неизменно
На вершине волны набежавшей, где с
ветром
Вьется бешеной чайкой крылатая пена,
Устремленная в небо, как птица, как утро.

Так на грене всегда пребывайте, с отливом
Ли с приливом, несет вас стремленье
полета.

И рыбак – беспощадное время – уловом
Обойдет Вас, и счастья не спросит в
уплату.

1948

* * *

В. С.

Кольшутся созвездия кувшинок
На ясном небе утренней воды,
Где синие и сонные вершины
Погружены в зеленоватый дым.

И постепенно, и неотвратимо
Цвета и свет заходят на восток.
И чувствуешь, как ночь проходит мимо.
Так утро раскрывает свой цветок.

Туманы раздвигая, словно шторы,
Идет за тенью, разрывая тень,
Тот чудный, переломный час, в который
Уже не утро и еще не день.

И девочка, и девушка Вы сразу,
Как этот переломный час, когда
Цвета мешая, в изумленье разум
Приводит многозвездная вода.

Так, полураспустившись, как в наркозе,
Живете Вы, давая полный цвет
И дня, и утра. Времени угрозе,
Как будто не сдавая Ваших лет.

Но помните о непонятной сути
Людских путей и вместе с тем о том,
Что, если кто стоит на перепутье,
Ему придется поспешить потом.
1948

* * *

Я учился терпенью. Был свет заключен за
решетку,
И двенадцать железных крестов стерегли
мою бывшую жизнь
Там, где звуки шагов (о, тоска
одиночества!) четким,
Гулким эхом сочли, как ненужное время
бежит.

Это время так нужно теперь мне, и вывет
Серебрится его на виске и в аритмике
пульса стучит.
Но жалеть бесполезно, хотя и по-новому
мечет
Жребий жизнь для меня. Нужно снова
учить,

Что терпенье годится повсюду. Вот снова
один я.
Как в тюрьме, слышу эхо от пройденных
мною шагов.
Но привычка, как прежде, не ждать
никогда сострадания
И не верить в поддержку и помощь людей
и богов.

Синерезис коллоидов – скажет о старости
химик,
Ты на склоне кривой – биометрика мне
изречет.
Значит, время прошло – неизбежное
нудное имя
Называет уже бытия подытоженный счет.

Ослабеет, увянет упругость, подвижность

и свежесть
Моих мышц и желаний, и нервы уходят в
расход.
За болезнью подойдет, и все реже и реже
Буду я забывать про стремительный
времени ход.

Ну и что же? И сам я теперь от себя не
скрываю
И не скрыть от тебя, что была до сих пор
мне близка.
Я на склоне кривой, и спокойная эта
кривая

Намечает уже недалекий и верный закат.
1962

Итоги

Мерцают инея зарницы.
Звенит серебряный мороз.
Мне всюду снится или мнится
Наш город юношеских грез.

В интимной мгле воспоминаний
Воскрес имен забытый звук,
И сквозь года, как было ранее,
Его я Вяткой назову.

Единой созванные вестью,
И брат по школе, и сестра.

Мы – вятичи, садимся вместе
У яркой памяти костра!

Через полвека испытаний
Прошел наш поредевший строй.
Теперь нам ясно – чем мы стали,
И виден прошлого настрой.

Назад полвека – мы летели
Навстречу жизни, как в бреду!
Теперь, когда мечты истлели,
В завядшем старости саду

Спокойно подберем цветочки,
В дороге брошенные нам
Той жизнью, что до самой точки,
Как кровь, как слезы солона!

Свой бег кончают наши волны.
И пусть гордимся – вы и я,
Что до конца наш путь наполнен
Тяжелым счастьем бытия!

Что были дружеские лица
И руки, сомкнутые в цепь.
Так пусть случится, что случится
В достойном памяти конце.
1977